

АННА И СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВЫ

звездный тандем российского детектива

«Этот динамичный детектив цепляет, затягивает и не отпускает. Ищите женщину-частекана советуют французы. Герой нового романа Литвиновых, тоже вынужден искать таинственных убийц, чтобы распутать историю даму. Чем больше он узнает о преступлениях, тем дальше уходит в криминальный лабиринт. Как говорится: «Многие знания – многие печали»...

Радиостанция «Маяк»

Многие знания,
многие печали

ISBN 978-5-699-74042-0

9 785699 740420 >

Анна и Сергей Литвиновы

Многие знания – многие печали. Вне времени, вне игры (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8089131

*Многие знания – многие печали ; Вне времени, вне игры : повести / Анна
и Сергей Литвиновы: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-74042-0*

Аннотация

«Многие знания – многие печали»

Лидия... Художник Кирилл Баринов давно забыл о ней, ведь их короткий роман закончился, когда они были студентами. Но странные пугающие события заставили его вспомнить о временах своей юности: Баринов случайно узнал, что все его институтские друзья не так давно умерли... Опасаясь за свою жизнь, Кирилл обратился к экстрасенсу Алексею Данилову. Выслушав сбивчивый рассказ клиента, Данилов сразу догадался: потусторонние силы тут ни при чем. Есть человек, который не просто пожелал зла старым товарищам Баринова – он убил их, пусть и не своими руками. Рядом с каждым из них незадолго до гибели оказывалась женщина, и Алексей понял: он должен отыскать бывшую возлюбленную художника...

«Вне времени, вне игры»

Игорь Сырцов считал себя баловнем судьбы. В восемнадцать лет стать центрфорвардом футбольной сборной! Пареньку, еще совсем недавно гонявшему мяч на стадионе провинциального городка, и не снилось столь высоко взлететь! И так быстро упасть с олимпа... Известные избili его прямо в центре Москвы, Сырцов чудом остался жив... Варвара Кононова неохотно взялась за это дело – футбол она никогда не любила. Ясно было одно: нападение было тщательно спланировано. Но кому помешала восходящая звезда и надежда российского футбола? Придется Варваре отправляться в городок, откуда приехал Игорь, – именно туда ведут следы этого непонятного и совершенно нелогичного преступления. А напарником Вари стал столичный журналист Андрей Тверской, юный и горячий...

Содержание

Многие знания – многие печали	6
Алексей Данилов	6
Кирилл Баринов	13
Алексей Данилов	37
Кирилл Баринов	40
Алексей Данилов	50
Кирилл Баринов	54
Алексей Данилов	66
Кирилл Баринов	69
Алексей Данилов	78
Кирилл Баринов	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Анна и Сергей Литвиновы

Многие знания – многие печали. Вне времени, вне игры (сборник)

© Литвинов С.В., Литвинова А.В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*** * ***

Многие знания – многие печали

Алексей Данилов

Сименс меня предупредил, что этот клиент будет сложным. Или особо сложным. Только чтоб выслушать его, понадобится несколько сеансов. Если, конечно, я возьмусь за него.

И вот он передо мною. Зовут Кирилл Павлович Баринов. Как явствует из визитной карточки, художник. Больше никаких данных, кроме телефона, на визитке не указано. Никаких регалий, на которые горазды иные: «Член союза художников, союза дизайнеров, академик такой-то академии, лауреат сякой-то премии». Тоже гордыня своего рода: считать, что он настолько хорошо известен, что его станут узнавать только по имени. Но я, к примеру, слышал его фамилию первый раз. Надо будет почитать о господине Баринове в Интернете. Если я, разумеется, буду заниматься его делом.

На вид Кириллу Павловичу лет сорок с небольшим. Впрочем, реально наверняка больше. Просто следит за собой. О, это большая редкость в нашем обществе: мужик, следящий за собой. (Я имею в виду: настоящий мужик, не гомосексуалист.) Лишнего веса нет. Стройный, как юноша. Длинные, почти до плеч, тронутые сединой, стильно постриженные во-

лосы. Бородка. Джинсовая куртка. Моя бабушка сказала бы в его адрес с осуждением: «Молодится». Однако бабушки нет на свете, а отношение к представителям сильного пола, которые следят за собой, в обществе потихоньку становится другим. Они по-прежнему белые вороны, но кое у кого вызывают уважение. У меня, к примеру, вызывают.

Внешне мой гость напоминает мушкетера. Но, разумеется, не из первой части трилогии Дюма. Скорее, одного из героев «Двадцати лет спустя». Или даже «Виконта де Бражелона». А вот кого конкретно? Не д'Артаньяна, понятно. Тот слишком для моего визитера сексуален, сангвиничен и прямолинеен. Портос – тоже другой, он чрезмерно толст и флегматичен. Значит, либо Арамис, либо Атос. А кто из них – посмотрим дальше.

– Что вас привело ко мне? – участливо спросил я.

Хороший доктор первым делом обычно спрашивает: «На что жалуетесь?» Я начинаю по-другому. Мой стиль отличен от врачебного. Я ведь не лекарь. Не колдун-шарлатан. И не гадалка. Не астролог. И не частный детектив. Однако я людям помогаю. Иначе бы они не стояли ко мне в очереди по несколько месяцев. И не интриговали в поиске знакомых и связей, чтобы обойти хвост. «Что вас привело ко мне?» – подходящий вопрос для столь востребованного специалиста, как я.

– Мне страшно, – отвечал на первый вопрос визитер. «Вероятно, – подумал я, – он пришел не по адресу, надо

направить его к знакомому психотерапевту. Ну, и слава богу».

Я люблю свою работу, но, как и все, не люблю начинать новое дело. Мое подсознание вечно всячески от него отлынивает, цепляется за увертки и отмазки.

– Люди обычно боятся чего-то. Или кого-то, – произнес я. Свои тугрики за визит я все равно отработать должен. Да так, чтобы клиент почувствовал пользу.

– Я не очень понимаю, чего конкретно боюсь. С одной стороны, вроде бы ясно чего: смерти. Вы скажете, не мудрено, годы-то какие: пятьдесят с хвостиком. В Средние века, да и во времена Мунка с Ван Гогом это считалось глубокой старостью. Пора убираться.

– Выглядите вы прекрасно, – развел я руками. Легкая лесть входит в комплекс моих услуг. Клиент должен выйти от меня с лучшим настроением, нежели то, с каким пришел. Иначе он не расскажет своим друзьям и знакомым обо мне ничего хорошего. Несмотря на разгул рекламы и пиара, у нас в обществе до сих пор правит бал общественное мнение. Иначе говоря, все решает репутация. А она создается слухами.

– Да, пожить еще хотелось бы... Но тут, знаете ли, такая ситуация... С одной стороны, забавно рассказывать... А с другой – реально непонятно, что происходит.

– Не волнуйтесь. Уверен, что бы вы мне ни поведали – эти стены еще и не такое слышали. И, замечу, за их пределы

ничего из сказанного здесь никогда не выходило.

– Понимаете, когда-то, много лет назад, я был в одной компании... Впрочем, компанией это назвать трудно. Мы тогда работали в одной бригаде стройотряда. Вы знаете, что такое стройотряд?

– В общих чертах.

Он все-таки пояснил:

– В советские времена это была распространенная форма организации студентов. Летом стройотряды обычно выезжали в Сибирь, на Урал, на БАМ. Иногда в Астрахань, собирать арбузы. Или в Нечерноземье – коровники строить. Кое-кто и в Москве, Подмосковье трудился. Стройотряды, вопреки распространенному сейчас мнению, не были обязателькой. Хочешь – езжай. Нет – отправляйся в студенческий лагерь в Крым, купаться, лопать абрикосы, пить портвейн. Или – на деревню к бабушке. Однако платили в стройотряде круто. Поэтому туда многие стремились. Я в том отряде, о котором пойдет речь, заработал больше тысячи рублей. За два с небольшим месяца. Столько в Советском Союзе получали только академики. Ну, еще генералы. И генералы от искусства, – он хмыкнул. – Художники, писатели, скульпторы – из официально признанных, разумеется. Те, кто имел постоянные заказы.

Мне самому немногим за тридцать, и советские времена я практически не застал. Однако растили меня люди из тех времен. Точнее, все насквозь пропитанные теми временами.

Поэтому своим предисловием посетитель мне Америки не открыл. Помнится, и отец покойный что-то про стройотрядную юность рассказывал.

– Я свою рабочую биографию начал после первого курса, – продолжал визитер. – То был совершенно особый год. Одна тысяча девятьсот восьмидесятый. Особенное лето.

– Олимпиада, – понимающе кивнул я.

– Да! Московская Олимпиада! Столицу тогда прихорашивали-принаряживали. А в рамках подготовки к играм – отправляли за тридевять земель, на практику и в стройотряды, всех иногородних студентов. Тогда нам даже экзамены перенесли: летнюю сессию сдавали в мае. И вступительные экзамены в столичные вузы передвинули – с июля на конец августа. Все для того, чтобы как можно меньше непроверенного молодого контингента шло по Белокаменной. А места в общагах заняли специально подготовленные люди из провинции: туристы из всех уголков СССР (как нам говорили). Но, главным образом, думаю я, в общаги селили провинциальных кагэбэшников, мильтонов, дружинников, оперотрядовцев. Огромные массы перемещались по стране, все пришло в движение, чтобы обеспечить Москве олимпийской тишь да гладь, да божью благодать. Надежные – в столицу, сомнительные – прочь из города. Я тоже из Первопрестольной в то лето смотался. Хоть и был коренным москвичом, а не каким-то понаехавшим... Извините! – вдруг спохватился он. – Слишком долгое предисловие. Это непроизвольно.

Наверно, оттого, что мне не слишком приятно рассказывать суть дела.

Вы знаете, – он вдруг перескочил на другую тему, – компании, которые складывались в стройотрядах, обычно были не структурированы. Они быстро разваливались, о них скоро забывали. С теми, с кем *учился* – в одном классе, в одной группе, на одном курсе, – обычно не так. С ними и подружиться легче – когда ты учишься бок о бок пять или шесть лет, экзамены сдаешь, лабораторки спихиваешь. Потом, во взрослой жизни, студенческое содружество сохраняется. И встречи выпускников бывают через десять лет, двадцать, двадцать пять. Я хоть подобные посиделки не слишком люблю, но все равно, когда начинается подготовка сбора, на тебя обязательно выходят какие-нибудь девушки – вы замечали, что организуют встречи выпускников обычно девушки? Это оттого, что у них чаще, чем у нас, личная жизнь не складывается. А также энергии в запасе больше – для того, чтобы совершить новую попытку эту жизнь наладить... И даже если не придешь сам на вечер встречи, все равно по ходу дела можно расспросить о тех, кто тебя интересует: а где такой-то? А такая-то?

Он говорил и на глазах успокаивался – это было заметно. Скорее, из мушкетерской четверки – он нервный меланхолик Арамис. Да и профессия этому характеру соответствует.

– Со стройотрядными друзьями все иначе. Там обычно ребята-девчонки с разных курсов сходятся. Поработаешь с

ними одно лето, и до свиданья. Потом только в коридорах руки пожимаешь. Или они совсем пропадают. И не видишь их, и не знаешь о них ничего... Так вот, приступаю, наконец, к главному. Недавно я узнал о бригаде, с которой работал в то олимпийское лето на стройке в Сибири. И знаете что? – Он сделал паузу, тяжело вздохнул и безнадежно махнул рукой. – Их, кроме меня, было шестеро. И все они – умерли. Причем все по-разному. За последние два-три года. Я остался последний, седьмой. Поэтому у меня сразу два вопроса возникло. Не знаю: к вам, не к вам? Может, к самому себе. Или, скорее, к судьбе. Вопрос первый: почему – они? Чем эти шестеро связаны, кроме того лета? И второй: почему ребята скончались вдруг сейчас?

– А вы за эти годы встречались с ними?

– В том-то и дело, что нет! За эти тридцать с небольшим лет – ни разу, кроме как с одним. Впрочем, с ним, последним, тоже нехорошо вышло...

Кирилл Баринов

Месяцем ранее

Я был рад видеть Антошу, он нашел меня и позвонил спустя тридцать лет, как мы виделись последний раз. Мы договорились встретиться в кафе, и я ждал его, честно признаюсь, с определенным внутренним содроганием. Я помнил молодого, веселого, сильного, куражливого человека, явно не дурака выпить. Кем-то он предстанет передо мной сейчас? Как прошла по нему затейница-жизнь, какими своими колесами и гусеницами?

– Привет, старичок! – Слава богу, Антон был узнаваем. Да, поредели и поседели волосы, мешочки появились под глазами, лицо прорезали морщины, природную плотность сменил очевидный животик – но это был он, Антоха Марцевич, и, столкнусь я с ним без подготовки на улице – я бы его узнал.

– Ты совсем не переменялся, – молвил он, облапив меня своим медвежьим объятием.

– Хватит врать! – воскликнул я. По совести, я употребил другой, мало приличный синоним слова «обманывать» – вообще-то я не люблю бытового мата, но тут, при встрече с другом из стройотрядной юности, он вырвался у меня сам собой.

– Ладно, ты не девочка, чтоб говорить тебе комплимен-

ты, – сказал Марцевич, усаживаясь за столик. – Да, старичок, ты сильно похужал, хе-хе, но возмудел, – повторил он шутку из нашей юности, – точнее, похудел, но возмужал. Как тебе удастся держать форму?

– Будем обсуждать мою диету? Или закажем что-нибудь? Что выпьем за встречу? Коньячка? Или ты по нынешним капиталистическим временам предпочитаешь виски? Кальвадос? Джин?

– Ничего, – погрузнел Антоша.

– Как скажешь, я тоже не большой любитель. Может, чисто символически, за встречу, по пятьдесят граммов?

– Нет, старичок, ты не понял. Я ничего не буду. Я в строгой завязке.

– Ладно. Дело хозяйское.

– Зато много ем, – через силу улыбнулся Марцевич, – а как покушаю – добрею и веселею. Если разобраться, в свиной отбивной с картошечкой содержатся те же самые эндорфины, что в вине.

– И давно ты постишься? – спросил я сочувственно.

– В этот раз уже год и семь месяцев, – сказал он с оттенком гордости. «Значит, были и другие разы», – жалея друга, подумал я.

Потом начался довольно сумбурный разговор – как ты, как я? Он сказал, что следит за моими успехами и даже один раз приходил на мою выставку. А его жизнь в кратком пересказе напоминала синусоиду, восходящие участки которой

приходились на времена, когда он бывал в «жесткой завязке», а нисходящие, когда срывался. Я позавидовал его упорству в борьбе с самим собой: подумать только, в третий или в четвертый раз в жизни снова вскарабкиваться на вершину! О том, что участок был восходящий, свидетельствовало то, что Антон был полон самых радужных планов, кипел энергией: «В меня сам Раенко поверил, снова взял к себе! Офис на Ордынке, кабинет отдельный! Кстати, послушай, а давай твою выставку у нас в офисе устроим? Денег не обещаю, но слава! К нам, знаешь, и члены правительства приходят, и из Думы депутаты бывают, и из Совета Федерации! Не говоря уже о бизнюках! Закажут тебе свои портреты!» – «Да я портретов не пишу». – «А что пишешь?» – «Натюрморты, пейзажи, иллюстрации книжные». – «Ничего, напишешь пейзаж на заказ». Он был напорист, и я дал неопределенное согласие.

Я спросил его – но не потому, что очень хотелось знать, а скорее для поддержания разговора – количество общих тем катастрофически таяло:

– Как там наши?

И вот тут он погрустнел, посуровел и проговорил:

– Вот за этим я с тобой и хотел встретиться. Если под «нашими» ты имеешь в виду ребят, с которыми мы в стройотряде «Зурбаган-восемьдесят» работали, то они – все умерли.

Я вздрогнул:

– Как – все?

– Не весь отряд, конечно. Всего нас, если помнишь, там человек сто двадцать было. А вот из бригады, где мы с тобой, старичок, работали, – скончались все. Кроме меня и тебя. – И он поскучевшим голосом начал перечислять: – Пойдем по порядку. Бригадир, Петр Горланин, по кличке Пит. Самое смешное, что он Питом в конце концов стал. Ну, или Питером. Еще в восемьдесят девятом Горланин эмигрировал в США. Долго там пробивался, начинал с посудомойщика, но пробился, и давно, лет пятнадцать как. В последнее время преподавал в нью-йоркском Королевском университете, постепенно дослужился до профессора. Полный фарш, как теперь говорят: вторая жена красавица, две дочки, свой дом в штате Коннектикут. Он оттуда на работу в Нью-Йорк ездил – сорок минут. Чаше на электричке, но порой и на авто. Да не каждый день, счастливчик! Но вот однажды возвращался он почему-то поздно вечером и сильно выпивши. И за чем-то сам сел за руль. И прямо в Нью-Йорке, чуть не на самом Манхэттене, попал в ДТП. Машина всмятку, Пит погиб на месте. Даже до госпиталя не довезли. Полгода назад дело было. Пятьдесят шесть лет мужику, двое детей-школьников от второго брака.

– Да, невезуха, – прокомментировал я. А что еще скажешь? Я Петра Горланина никогда не любил – с тех самых времен, как мы в одной бригаде ломami орудовали. Были на то причины.

– Поехали дальше? – Антоха помрачнел еще больше. –

Александр Кутайсов, помнишь его?

Конечно, я помнил Кутайсова. В нашем стройотряде восьмидесятого года он был звездой: Сашка пел. Он любил и умел это делать – и в качестве лидера стройотрядной рок-группы, и соло. Репертуар у него был самым модным по тем временам. Группа «Смоки», Градский, «Дип Перпл», «Юрайя Хип», «Роллинги». «Отель Калифорнию» на танцах обязательно пропевал два раза, один ближе к началу, второй – на бис: «Welcome to the Hotel California! Such a lovely place, such a lovely place, such a lovely face!» Помню, под кутайсовское исполнение «Отеля» я как раз пригласил Лидию и спросил то, что спросил. Н-да, ладно, проехали. Разговор сейчас у нас не про Лиду, а про Саню. Что с ним-то стало?

– Саня работал на Чернокопской АЭС. Жил в местном городке, Весенний называется. Если помнишь, атомные города с советских времен называются иначе, чем сама атомная станция – чтоб запутать вероятного противника. Санька женат был, двое детей, дочери, уже взрослые. Мы с ним время от времени переписывались. Сначала, после того, как вуз закончили, открытками к праздникам обменивались – к Седьмому ноября, Первому мая, Новому году. Потом, когда электронная почта появилась, соцсети, совсем просто общаться стало. Санька рыбалку любил, охоту, часто ездил в лес... Карьеры, как я понимаю, не сделал. Так и сидел сменным инженером. А сгорел от рака. Меньше, чем за полгода. Довольно редкий вид – рак брыжейки. Очень поздно диагностиро-

вали, когда поделаться ничего было нельзя. Четвертая стадия. Скончался, как потом оказалось, через пару месяцев после Пита.

Сашку Кутайсова мне вдруг стало невыносимо жалко. Я хорошо помнил его. У меня даже фото сохранилось: мы рядом в стройотрядной столовке, у него в руках гитара, он поет. Оба – до ошеломления молодые. А рядом с нами сидит Пит, как всегда, снисходительно, чуть скептически улыбается. И еще один парень около – а кто таков, я и не помню. Кажется, после отряда мы с Кутайсовым так ни разу и не видались. Вот и осталось в памяти: да, Шура Кутайсов, тот самый, что когда-то делал «Смоки» один в один.

Мне захотелось выпить – помянуть Саню, да и просто *захотелось*, но я не знал, можно ли это делать при Антохе, и потому решил пока не начинать.

– Юрку Пильгую, помнишь? – Марцевич продолжал свой скорбный перечень. Юрку я тоже помнил. Он играл в группе вместе с Кутайсовым. На бас-гитаре.

У нас ведь тогда, в восьмидесятом, была блатная бригада. В нее (за одним исключением, но об этом позже) входили те, кто помогал комиссару отряда вести культурно-массовую работу. За это днем, когда мы трудились на основной, физической работе, нас не столь сильно нагружали, как прочих *бойцов*. (Да-да, все мы тогда назывались *бойцы*, милитаристская лексика вообще была чрезвычайно распространена при социализме.) Я свои дневные льготы – чуть полегче работа,

чуть вольготней дисциплина – отработывал по вечерам и ночам как художник: рисовал для отряда стенгазеты, плакаты и боевые листки.

– Юрка у нас в институте был по целевому набору, с Бараблинской атомной. Потом он туда, в Тверскую область, город Пискуново, и вернулся. Сделал хорошую карьеру, дорос до главного инженера станции. И тоже очень быстро сгорел в последнее время. Лейкемия – рак крови. Пятьдесят пять лет ему было, ровно как мне. Ты-то еще молодой.

– Угу, мне пятьдесят два, – покивал я.

– Да, возраст у нас у всех наступил рисковый, но не настолько же, чтоб в одночасье помирать. А умер Юрка через два месяца после Сани.

– Слушай, – перебил я его, – как ты посмотришь, если я закажу себе сто граммов? Помянуть, да и вообще. Тебя это не сильно покоробит?

– Как говорят земляки нашего Пита, – улыбнулся он широко, но, как мне показалось, через силу, – *do as you please*¹. – И я поманил официантку. – Ладно, давай я об остальных расскажу – коротким конспектом. Мне и без того тошненько. Тебе, как я вижу, тоже. А помнишь ли ты, к примеру, Семёна Харченко?

Этого я помнил смутно. Да, осталось в памяти: был в нашей бригаде какой-то один, блеклый и ленивый, а вот как его звали... В любом мужском коллективе обязательно бывает

¹ Делай, что нравится (*англ.*).

свой козел отпущения. Человечек, стоящий на самой нижней ступеньке в социальной иерархии. Обычно на это место «назначают» самого молодого, неопытного, неумелого, новичка. Самым молодым в бригаде был я – да и все мы были тогда новичками в том, что касалось тяжелой физической работы: с лопатой, ломом, мастерком, отбойным молотком. Но я был хоть и юн, зато усерден и ухватист. Другие парни тоже – кроме него. А этот остался в памяти как недотепа, растяпа и к тому же лентяй. Значит, Семен Харченко – вот как его звали. Я недоумевал, как он в нашу блатную артистическую бригаду попал: вроде никаких за ним талантов не водилось, и никакими культурно-массовыми делами он не занимался. Конечно, методы воспитания у нас были более гуманные, чем в армии или на зоне – студенты все-таки. Никто Харченко не бил и даже не оскорблял. Но бывало, что стыдили или посмеивались. Бригадир Пит и скорый на расправу Марцевич могли и матерком запулить.

Антон продолжал свой рассказ:

– Харченко из всех из нас сделал, можешь себе представить, самую впечатляющую карьеру... – Тут мне принесли водки. Если поминать товарищей, пусть полузабытых, делать это следует старой доброй русской водкой. Я махнул одним присестом, закусил хлебушком. Может, я слишком мнителен, но мне показалось, что Антон проводил огненную жидкость, отправляющуюся в мой желудок, с долей зависти. – Семен, – продолжал Марцевич, – стал в нашем родном кон-

церне «Госэнергоатом» начальником отдела. Большой человек. Собственный дом в четыреста квадратов на Новой Риге. Наверно, и поворовывал потихоньку. Откаты, то-се. Жена, сыночек, дочка взрослая... Погиб он глупо. Поехал на Мальдивы – что характерно, с товарищем по работе, сиречь с любовницей. Полез плавать, да на жаре после пары стаканчиков. Не знаю, что конкретно послужило фатальной причиной: сильное течение (а оно в том месте и впрямь, говорят, было сильное) или сердечко прихватило – короче, не выплыл Сема. Бедная любовница (все-таки есть женщины в русских селеньях!) не бросила тело, возилась неделю, формальности улаживала, а потом везла с Индийского океана цинковый гроб. Ей, как рассказывают, родная жена покойного за все хорошее на похоронах попыталась когтями лицо порвать. Жуткое, говорят, было зрелище. Харченко умер позапрошлой зимой – аккурат седьмого января, на Рождество. Поэтому мой тебе совет, Кирюха: не меняй резко климат, не меняй женщину – особенно на молодуху, побереги себя!

Слегка глумливый тон Антона объяснялся и извинялся тем, что никто из нас тогда, в восьмидесятом, покойника не любил – да и сейчас не слишком много уважительного Марцевич о нем поведал.

– И, наконец, наш последний герой. Селиверстов Виталий. Про него ты, наверно, слышал?

– Нет. – Я и вправду не знал.

– Как? Он ведь артист. Действующий. В театре имени Тур-

генева играл. Снимался много, в основном в сериалах.

– Так он, значит, как и я, тоже изменил своей основной профессии?

– Да, двое вас таких, ренегатов, среди доблестных инженеров-физиков оказалось.

– Извини, я за его творчеством не следил.

– Не слишком много потерял – хотя плохого ничего про Витальку как актера сказать не могу. Играл он нормально. Добротнo, как сейчас говорят.

Селиверстова Виталика я помнил хорошо. Он был у нас руководителем агитбригады. Это подразделение только так называлось: *agit*-. Наверное, старичкам из тогдашнего ЦК, что курировали комсомол, виделось при этом слове, как молодые артисты поднимают стихами, музыкой, песней своих однокорытников – бойцов! – на ратный труд. На самом деле большинство агитбригад Союза (наша так точно) ничего идейно-политического и пропагандистского не представляли – блистали в жанре комедии. Развлекали *бойцов* сценками из институтской жизни и скетчами на злобу дня из жизни стройотрядной.

Сам Марцевич тоже проходил по артистическому ведомству и был у Витальки вторым номером. Особого таланта за ним не водилось, но что-то в его медвежьей, разлапистой внешности производило комическое впечатление, да и подыгрывать более мастеровитому Виталику он умел. Он блистал в ролях тупых профессоров и полковников с воен-

ных кафедр.

Сочиняли и репетировали ребята по ночам, а днем – вспомнилось – Антоха Марцевич и Виталька Селиверстов все норовили забиться в тихий уголок и покемарить. Вдруг нахлынуло воспоминание: мы работаем на улицах Зурбагана, канавы роём, а наш Виталик сбежал, забился в подъезд жилого дома и уснул под лестницей, прямо на бетоне. Тогда мы, молодые идиоты, обложили его, по периметру тела, рейками, валявшимися там же, – Селиверстов не проснулся, даже не пошевелился. Получилось, будто лежит человек под лестницей в гробу. Жильцы, входившие в подъезд, очень пугались.

– У Витальки с сердцем стало плохо. Он временно один жил, снимал квартиру. Однажды не пришел в театр на репетицию, там подняли тревогу, супруга помчалась к нему – а он мертвый лежит на полу, рядом с телефоном. С сердцем стало плохо, даже «Скорую» вызвать не успел.

– Черт! – воскликнул я. – А я и не знал, что Виталик умер, вот стыдоба.

– Я тоже узнал случайно и на похоронах не был. А ведь он на моем курсе учился, не на твоём.

От этой концентрации смертей в горле у меня встал комок, и захотелось еще засандалить водочки – но я не рискнул, видел воочию, как Тоха мою выпивку переживает, хотя виду не подаёт. Но он будто мысли мои прочёл:

– Да чего ты менжуеться, на меня равняешься! Не гляди

на старого, прими стольничек на помин их душ! Мне тоже будет приятно, будто сам помянул.

– Не буду. Может, когда приду домой – но не сейчас.

Мы с ним еще немного посидели. Антоха заказал десерт, с огромным удовольствием умял огромный кусок тирамису. Говорить нам, в сущности, кроме нашей стройотрядной юности, было не о чем. Разве что попытаться построить закономерность: почему друзья ушли именно сейчас, и все столь быстро, один за одним? Впрочем, беседа шла вяло. Никакой логики в смертях парней не нащупывалось.

– Может, виновата наша специальность? – неуверенно спросил я. – И то, что ребята на атомных станциях работали?

– Как это связано? Двое на АЭС трудились, еще один, Харченко, по ним ездил – и что? Поэтому Сема утонул? А почему Пит в аварию попал? Это какое отношение к делению ядра имеет?

И я с ним согласился, что никакого, а что оставалось делать? Мы еще поговорили – но как по обязанности, словно через силу – про мою выставку, которую Антоха загорелся устроить в своем офисе, а потом разошлись. Разумеется, обменялись всеми возможными телефонами. Марцевич клятвенно пообещал позвонить денька через три, когда разузнает, сколько и каких полотен можно будет у него в офисе повесить.

Через три денька он не позвонил. Не позвонил и через четыре. И спустя неделю тоже. И бог бы с ней, с той выставкой,

не очень-то я в нее верил, да и нужна она была мне не слишком – но что-то меня, когда я вспоминал об Антохе, глодало. Очень уж он завистливо глянул на меня в тот момент, когда я попросил официантку принести мне водочки. И хоть совсем мне не хотелось, деньков через десять набрал я его мобильный номер. Телефон не отвечал. Длинные гудки. Я нажимал на кнопку повтора раз десять в разное время, утром и вечером – безуспешно. На следующий день, скрепя сердце, позвонил Антону на домашний. Мне ответил бесцветный, безжизненный женский голос.

– Антона? А кто его спрашивает?

Предчувствуя неладное, я представился: Баринов Кирилл, бывший коллега – когда-то учились вместе в институте.

– Ах, это с вами он встречался такого-то в ресторане, – констатируя, проговорила дама. И как обухом ударила: – Антоши больше нет.

У меня вырвалось: «Как?!»

– Вы знаете, наверное, о его слабости, – очень спокойно продолжила дама. – Вскоре после вашей встречи Антон, к сожалению, запил. Мы его пытались затормозить, но, как вы понимаете, в его случае это совершенно бесполезно. На третий день он вырвался, отправился среди ночи за добавкой. – Она сделала паузу, вероятно, подыскивала слова. Я так и не знал, кто моя собеседница: мама, жена или сожительница Антона. И по голосу не определишь, и спросить неудобно. В любом случае, ей досталось. – А потом его нашли. На ла-

вочке в парке. Сердце остановилось. Говорят, он не мучился.

Я рассыпался в извинениях и соболезнованиях. А что мне, спрашивается, еще оставалось делать? Итак, Антоха тоже погиб. Довольно долго в моих ушах звучал женский голос: «Антоши больше нет». Чтобы сей неприятный звук заглушить, пришлось принять самому. Сначала я допил оставшуюся от майских шашлыков бутылку виски, потом перешел на водку.

Короче, когда я наутро проснулся, одетый, поперек кровати, чувство вины не то чтобы сгладилось, но стало не таким острым. Зато появилась явственно выраженная тревога: значит, шестеро из нашей бригады погибли – и я остался последним, седьмым.

* * *

Для кого-то восьмидесятый – год московской Олимпиады, для иных – время смерти Высоцкого (или Леннона, или Дассена), но для меня он – год Лидии. Хотя если сложить все наши встречи – вряд ли даже целые сутки наберутся. Если рассматривать в масштабе всей жизни, получается и вовсе микроскопический отрезок. Но раз помнится до сих пор – значит, в мыслях тогда она занимала большое место. Несомненно большое.

Второй раз мы встретились с Лидой на похоронах Высоцкого. Тогда все удивительно сложилось: смерть, и любовь,

и вдохновение, и печаль, и слезы. Назавтра я написал свою первую в жизни картину – ту самую, которая положила начало, как потом утверждали критики, новому направлению – соцреалистическому реализму, в главные представители которого записали меня.

Из стройотряда в Москву я прилетел раньше времени. Если честно, осточертела работа. Подъем в шесть и линейка в семь тридцать. А потом – восемь, а то и двенадцать часов с ломом, лопатой или отбойным молотком. У нас хоть и была блатная бригада, все равно на смену мы выходили, как положено, а если ты попадался на глаза начальнику штаба или командиру отряда филонившим – следовал разнос, невзирая ни на какие заслуги. Рисовать шаржи на начальство и карикатуры на рядовой состав, не говоря о писании лозунгов – тоже опостылело.

И еще хотелось посмотреть Олимпиаду – хотя бы одним глазком. Игры открывали, как сейчас помню, девятнадцатого июля, в субботу. Но я так упахался за неделю, что даже не пошел в красный уголок смотреть церемонию по телевизору – после бани улегся в палатке и проспал все шоу.

Когда я звонил из Сибири родителям в Москву, они говорили, что смогут достать билеты: их продавали и даже *раздавали* по предприятиям и организациям, отдавая предпочтение партийным и активистам. На самое вкусненькое, вроде открытия-закрытия, финалов бокса или футбола, билеты до рядовых сотрудников не доходили. На дефицитные зре-

лица, испокон веку так повелось, попадали в Союзе сплошь начальники, а также их портные, завмаги, врачи и автомобильные мастера. Но мама и отец все равно заманивали меня в Москву, обещая мероприятия второго ряда: легкую атлетику, плавание, дзюдо. И олимпийская столица тоже манила. Родители по телефону рассказывали удивительные вещи – в магазинах все есть, даже сырокопченая колбаса, и никого народу. А в киосках, сказывали, продавали импортные сигареты, включая «Кэмел» и «Мальборо». И, главное, я ведь был москвич, и меня, в отличие от соратников по отряду, уехать из столицы мира и социализма никто не заставлял. Меня погнали в Сибирь продажная девка романтика и длинный рубль – но я всегда мог вернуться.

Даже самолет из Зурбагана после двух месяцев в глуши произвел на меня ошеломляющее воздействие. Подумать только, в туалете висело зеркало, из кранов текла горячая и холодная вода, имелся ватерклозет. В отряде мы обходились еженедельной баней и дырками в полу. Носки я стирал в общих раковинах холодной водой.

В аэропорту Домодедово меня встречали родители – ввиду того, что я отсутствовал долго и вернулся издалека, сразу вдвоем: и отец, и мама. Мы погрузили мой рюкзак в багажник личных отцовских «Жигулей» и понеслись по пустынной трассе со скоростью сто километров в час. Столица налегла на меня быстро и сразу ошеломила своими многоэтажными зданиями и невиданной ранее пустотой и отмытостью.

Всюду полоскались разноцветные флаги, отовсюду глядели символы игр: олимпийский медведь и стилизованная высотка (или башня Кремля?), увенчанная звездой.

Мы заехали на улицу Горького в Елисеевский гастроном. Я вышел из машины вместе с родителями – было интересно. В магазине народу оказалось непривычно мало, зато продавалась колбасная нарезка в вакуумной упаковке (я ничего подобного раньше в жизни не видел) и маленькие брусочки масла на один бутерброд. Свободно стоявший в витрине армянский пятизвездный коньяк тоже был из разряда чуд: родители взяли бутылку – как я сейчас понимаю, хотели отметить не просто мое возвращение, но мою взрослость: восемнадцатилетний сын вернулся с ударной стройки пятилетки, поздоровевший, возмужавший, загорелый. На глазах материализовывался штамп советской пропаганды, которым всем нам долбили голову, начиная с детского садика: высшая человеческая доблесть – это подвиг (и смерть) во имя Родины; или, на худой конец, тяжкий труд во славу ее, лучше где-нибудь в Сибири, в самых нечеловеческих условиях.

Когда сели в машину и тронулись, и ветер снова засвистел в распахнутых окнах, отец сказал: «Говорят, в ЦК обсуждают идею – закрыть Москву навсегда. Просто не открывать ее после Олимпиады. Все москвичи «за», много писем в партийные органы приходит». – «Было бы неплохо, да все равно ведь не сделают, – ответила мама. – Испугаются: что скажут борцы за права человека и всякие радиоголоса». А я ниче-

го не говорил, лишь таращился в изумлении по сторонам, разглядывая столь красивую Москву – наверное, более красивой она никогда не была (и уже, вероятно, никогда больше не будет). Город достиг высшей точки своего имперского, социалистического развития и дальше становился только хуже – хотя никто из нас троих об этом не подозревал. А тут еще папа в машине рассказал анекдот (возможно, ставший пророческим): «Знаете, какая теперь периодизация истории СССР?» Периодизацией нас всех мучили на истории партии, лекциях по марксизму-ленинизму и школах комсорга (парторга, профорга). Вот и сейчас отец провозгласил: «Доолимпийский период, олимпийский и восстановление разрушенного хозяйства». Мама охотно рассмеялась, а потом укоризненно сказала: «Что ты разговоришься, Павел Викторович, – при ребенке». Я возмутился: «Ребенок-то уже восемнадцатилетний. У нас в вузе и не такие анекдоты рассказывают». – «Кошмар! – воскликнула мама и добавила (тоже, как мне кажется теперь) пророчески: – Куда мы катимся!»

Бедные мои родители! Всю жизнь – точнее, всю советскую жизнь – боялись они, как бы ребенок (то есть я) не услышал чего, для его ушей не предназначенного. И ладно бы речь шла о животворных тайнах секса! Нет, табу считались: их работа, потому что оба трудились на оборонку; любые тайны кремлевского двора, ставшие им известными из слухов или закрытых лекций; все, связанное с диссидентами; нехватка продуктов и промтоваров; сталинские репрес-

сии... О чем могли свободно разговаривать советские родители с детьми – если, конечно, желали добра своим отпрыскам? Только о погоде, природе да школьных успехах. Впрочем, я самостоятельно лет с тринадцати крутил мощный дедушкин приемник – в поисках «АББы», «Лед Зеппелин», битлов и рок-оперы «Иисус Христос – суперзвезда». По странной прихоти начальства передавали их только по волнам «Голоса Америки» и Би-би-си, где попутно просвещали меня о Солженицыне, альманахе «Метрополь», Марченко, Павле Литвинове и Ларисе Богораз.

С Садового кольца мы съехали на улицу Радищевская (ту самую, которая тянется от Таганки к высотке на Котельнической). У театра меня поразило большое скопление народа. Люди толпились группками у входа, иные шли от метро к театру. А на самом здании театра (похожем на провинциальную киношку), на витринах с афишами были наклеены десятки рукописных и машинописных листочков. Кто-то, окруженный друзьями, читал стихи. «Что такое? – в недоумении воскликнул я. – Что случилось?» – «А ты не знаешь? – удивленно переспросила мама. – Высоцкий умер». Еще не понимая огромности и трагичности происшедшего, я воскликнул: «Как?! Правда?!» – «Да, – покивал головой папа за рулем, – в газете писали». В те времена то был козырный аргумент: если о чем-то написали в газете, точно правда. Я потом увидел этот некролог: его напечатали в одной только «Вечерней Москве», пять строчек на последней полосе –

скоропостижно скончался артист театра и кино В. С. Высоцкий. Мы тогда привыкли, что в некрологах обычно с десяток строк отводилось перечню титулов и достижений покойного: лауреат, Герой труда, профессор, депутат... Тут все оказалось наоборот: об утрате певца извещало множество организаций: министерство культуры, и госкино, и управление культуры Моссовета, однако ни единого звания у покойного не было: скончался просто *артист театра и кино*.

Я сидел на заднем сиденье «Жигулей» и пытался осмыслить произошедшее, но был не в состоянии. Машина уносила нас все дальше от центра Москвы, в наш спальный микрорайон. «В народе говорят: здорово Высоцкий советской власти подгадил, – усмехнулся отец. – Не только жизнью своей, но и смертью». Мама возмутилась: «Павел, что ты такое несешь!» – «А что? Он сыграл в ящик посреди Олимпиады, как специально». – «Не надо о покойном в таком тоне, да еще при ребенке!» – Так они могли переругиваться (и переругивались) всю дорогу домой, что заняла по воскресному времени не более пятнадцати минут.

Никто тогда не знал ни о каких наркотиках в рационе Высоцкого. Да, знали, пил – но кто сейчас не пьет. Напротив, для многих, даже и для восемнадцатилетнего меня, это было оправданием: да, пью, а кто не пьет, все вокруг! Вон, и Высоцкий пьет, и Даль, и остальные. Мы просто не всех поименно знаем, потому что прочие известны меньше; а рестораны полны – и Дом актера, и Дом художников, и ЦДЛ, и

Домжур – все властители дум сидят под газом!

Отношение к покойному у меня было сложное. Сказать, что я его обожал – нельзя; сказать, что не любил – тоже. В свои восемнадцать я успел его раз пять увидеть в театре; смотрел все фильмы с его участием; это давало мне право рассуждать, что Высоцкий-де актер классный (маленький зал Таганки рокот его голоса прямо-таки завораживал), однако как поэта я его нигилистически отрицал: романсеро, блатняк, юморист. Мне нравились его веселые песни – а, впрочем, я другие не особенно и слушал, негде было их слушать, сначала требовалось добыть. А добыть означало волевое усилие со стороны читателя-слушателя. Чтобы попасть в театр на Таганке, я его предпринимал, чтобы отыскать тексты или записи Высоцкого – нет.

И ни на какие похороны, ни на какое прощание я идти не собирался.

А вот поди ж ты! Друзей моих в городе не оказалось: кто в стройотрядах, кто с родителями на море, кто у бабушки на даче. Девушки у меня в ту пору не было; сексуального опыта тоже, знакомиться с ними на улице или в автобусе я не умел. Следовательно, делать в Москве мне было ровно нечего. Родители наутро ушли на работу – понедельник. Первые олимпийские билеты были на вторник. Поэтому не помню, как и почему, но на следующий день я оказался в районе Таганки.

Движение по дублеру Садового кольца перегораживала цепь олимпийских дружинников, замаскированных под во-

лонтеров, в форменных голубых рубашках. Стояли они почти плечом к плечу, на расстоянии полуметра друг от друга, я подошел к одному из них и, сделав морду кирпичом, спросил: «А что случилось?» Тот осмотрел меня с головы до ног колючим взором – нет, совсем он не волонтер, явный мильтон или даже чекист, хоть и молодой – потом выдавил: «Высоцкого хоронят». Следуя вдоль цепи синерубашечников, я добрался почти до театра. Из-за спин дружинников увидел: посреди улицы Радищевской, перекрытой сегодня для движения, стоит небольшая группка. В ней седовласый Любимов с черной повязкой на руке. Рядом еще пара артистов Таганки. Против них – милицейский генерал со звездами, они что-то обсуждают на повышенных тонах, слов не слышно, однако видно, что Любимов чувствует себя хозяином положения, высокопоставленный мильтон перед ним будто даже оправдывается.

Скажу, забегая вперед, что эту сценку я сделал сюжетом своей самой первой картины. Зритель видит группу высокопоставленных спорщиков с совершенно другого ракурса, невозможного – сверху: как если бы художник взмыл над площадью и завис метрах в пяти-шести над асфальтом, людей я запечатлел со всей возможной, почти фактографической точностью – Любимов, артисты, генерал. Однако рядом с наблюдателем в левом верхнем углу вдруг проявляется из небес, словно лик ангела, лицо девушки. Моделью для девушки мне послужила Лидия, впрочем, к тому моменту, ко-

гда я понял, что она должна появиться на холсте, мы уже расстались, и я рисовал ее по памяти. Лицо Лидии на ватмане возникло еще и потому, что там, на похоронах, – или, точнее, *около* похорон – я снова встретил ее.

В Советском Союзе все привыкли к очередям разного рода – однако ничего подобного проводам Высоцкого я не видел. Чтобы проникнуть в здание театра, где продолжалась гражданская панихида и был выставлен гроб, люди тянулись вдоль Верхней Радищевской – начало очереди уходило вдаль, к высотке. Очередь ограждали железные барьеры и не дружинники в синем, а простые милиционеры в белой парадной форме. Первое впечатление было, что служители порядка приоделись по случаю похорон поэта, – и только потом я понял: ах да, парадная форма из-за Олимпиады! Я быстро пошел вдоль очереди, надеясь найти ее исток. Но даже спустя тысячу человек – а может, две тысячи – конца не увидел и замедлил шаги. Многие из стоявших в хвосте держали на плечах переносные магнитофоны, оттуда неслись песни покойного; практически все как одна были трагическими. И вот только теперь – как никогда ранее! – эта скрытая в них трагедия показалась мне, наконец, совершенно уместной.

...По обрыву по-над пропастью, по самому по краю...

...Посмотрите – вот он без страховки идет...

...что-то кони мне попались привередливые...

...нет, и в церкви все не так, все не так, ребята...

И тут я почти лицом к лицу столкнулся с Лидией. Она в растерянности стояла на обочине Верхней Радищевской, ставшей на день пешеходной, покусывала губы, и в глазах ее блеснули слезы.

— Лида! — воскликнул я. — Ты здесь?!

— Вот решила, что надо прийти сюда, а тут столько народу, — заговорила она, словно мы прервались на полуслове. — Как ты думаешь, где эта очередь начинается?

— Где бы ни начиналась, вряд ли мы успеем пройти. Я слышал, скоро панихида, потом похороны.

— Ты не будешь стоять?

— Нет. И тебе не советую. Пойдем лучше его помянем.

Смерть поэта нас объединила. Теперь я уже готов был признать, что он поэт. Почему-то эта толпа людей, собравшихся на похороны, сделала его поэтом. А мы с Лидой разговаривали, как сообщники. Я взял ее под руку и повлек — дальше от очереди, вниз к Котельникам. Мне показалось, что она покоряется мне с облегчением: больше ей не надо мучиться, что делать, достаточно подчиниться мужчине, он знает.

Алексей Данилов

Я выслушивал откровения Кирилла Павловича значительно дольше, чем обычного посетителя. До самого вечера. Мой помощник Сименс знал свое дело, когда не записал никого из клиентов после него.

Выговорившись и выдохшись, художник умолк. Потом взглянул на меня с надеждой. Но я не знал, что сказать. Информации не хватало.

– Я не знаю, что делать, – развел я руками.

– Хороший ответ. – Баринов усмехнулся: – Мне-то порекомендовали вас как специалиста.

– Разгадка может быть любой.

– А именно?

– Ситуация многовариантна. Шестеро погибших из семи. Может ли происшедшее в результате оказаться случайностью, несчастливym стечением обстоятельств? Да, может. Может быть чьей-то злой волей? Да, конечно.

– Как?! – воскликнул он. – Вы считаете, что кто-то мог *убить* всех этих шестерых человек?!

– Конечно! – я ни секунды не сомневался в том, что говорю.

– Но двое умерли от рака, двое от сердечной недостаточности, пятый утонул, шестой погиб в автокатастрофе!

– Ну и что? Самое лучшее убийство – не то, что не рас-

крывается, а то, которое даже *не выглядит убийством*.

– Бросьте! Шесть человек умерло – и никто не понял, что их убили?!

– Именно. Поэтому я исхожу из того, что нам противостоит исключительное зло. Чем бы оно ни являлось.

– Вы сказали – *нам* противостоит? Так вы беретесь за это дело?

– Конечно. Я за него взялся, когда согласился принять вас.

– Вы говорите – противостоит зло. Значит, оно, это зло, персонифицировано?

– Может быть. Я не знаю. Надо думать, разбираться, искать. Пока невозможно сказать, кто виноват: живой человек? Или сверхъестественные «они»? И если да, то кто? Дьявол, провидение, судьба, мировой гомеостазис? И что распоясало эти силы? И чем на деле являлись смерти ваших шестерых друзей? Следствием чьей-то ошибки, греха? И лежит ли причина в прошлом? А может, в настоящем? Я не знаю! Дорогой, зверски уважаемый Кирилл Павлович! Не знаю. Нужны дальнейшие исследования. И их должны проводить вы.

– Я?! – неприкрыто изумился художник.

– А кто же? Чье еще сознание (и подсознание) хранит – или может хранить – все тайны? Кто может вспомнить все – и догадаться обо всем? Прежде всего – вы.

– Но как?

– Вспоминайте. Кто или что всплывает чаще всего, когда вы обращаетесь в памяти к тому лету? Какие события

в вашей жизни – и жизни ваших друзей? Записывайте, что вспомнится. Или – вы ведь художник – зарисовывайте. Что вам снится? Вызывайте сны. Заказывайте их у своего подсознания.

– Это как? – слабо улыбнулся он.

– Настраивайтесь каждый вечер на свою загадку, на то, как будете ее отгадывать. Не пейте ничего перед сном. Ни алкоголя, ни снотворного. Играйте в ассоциации. Хотя бы сам с собой. К примеру, я говорю вам: лето восьмидесятого, Москва, Олимпиада – что вам, прежде всего, приходит в голову?

– Лидия.

– Лидия? Прекрасно! Значит, в следующий раз вы расскажете мне о Лидии.

Кирилл Баринов

Познакомились мы с Лидией в стройотряде «Зурбаган-80», где трудилась та самая наша бригада. Впрочем, я замечал ее и раньше, в институте – пробегая по коридорам с лекции на лекцию. Она училась на втором или на третьем курсе, а может, даже на четвертом, а я – на первом. Страшная пропасть в молодом возрасте. Она мне понравилась – впрочем, тогда, во времена юношеской гиперсексуальности, это вряд ли что значило. Мне одновременно нравилось сорок (а может, тридцать или пятьдесят) встреченных в институте девчонок. Практически каждая. Или каждая вторая.

А потом я вдруг увидел ее в нашей стройотрядной столовой.

Девушек в дальние стройотряды брали неохотно, и там всегда существовал дефицит женского пола. Трудились девчонки в основном на кухне – кстати, кормили они всегда отлично. Из одного и того же набора продуктов *свои* повара ухитрялись приготовить в десять раз вкуснее, сытнее, больше, с изыском, нежели в советских столовках, где обретались *чужие* – омерзительно разбухшие тетки. Кстати, в ту юношескую пору я оплошно считал, что задача социализма как раз и состоит в том, чтобы все в стране стали *своими* – как в стройотряде, чтобы всем и каждому стало совестно перед другими, кто рядом, бездельничать, гнать брак и воровать.

Романтические коммунистические сопли! Но беда не в том, что подобные бредни тогда посещали меня – в конце концов, мне восемнадцать лет было, из которых я все, от первого до последнего дня (и родители мои, и даже бабушка с дедом!), прожил при социализме и под воздействием его пропаганды. Плохо то, что тогдашние лидеры страны верили примерно в то же, что я, и рассуждали примерно так же, как я. Если они, конечно, в ту пору сохраняли еще способность рассуждать. В чем я теперь, честно говоря, сильно сомневаюсь.

Но я отвлекся, я на самом деле о другом – о Лидии и о том, как увидел ее – в самый первый день, когда мы прилетели из Москвы в Зурбаган. Я, не спавший ни минуты в ночном перелете и с чувствами, обостренными стрессом, заметил ее, в белом халате и косыночке, за стойкой раздачи в нашей столовой. Во мне что-то дрогнуло (наверное, на меня снизошла любовь). Когда подошел мой черед, я уставился на нее и бодро проговорил:

– Привет! Меня зовут Кирилл, и я люблю поесть.

Она засмеялась и в тон мне ответила:

– А я Лидия, и люблю кормить.

Мне мгновенно и навсегда понравилось в ней все: и лицо, и глаза, и фигура, и даже имя. Лидия – настолько было странным оно в те годы, когда вокруг паслась сплошная Лены, Тани, Наташи, Оли. Она оказалось первой Лидой, встреченной мною в жизни. И еще это имя ужасно не соответствовало (в моем представлении) ее внешности, потому что Лидия – имя

скорее южное, греческое, румынское, итальянское. Она же была типичной русачкой: невысокой, крепкой, как боровичок, с короткой русой стрижкой, миленькая и светлоглазая. И еще голос: ясный и переливистый, он звенел, как колокольчик. Словом, сделал вывод восемнадцатилетний я, она уютная, домашняя женщина. Время потом покажет, что я жестоко ошибался насчет уюта и домашности – впрочем, как я могу сейчас судить, ведь после того лета я не видел ее никогда.

Комиссар отряда отправил меня после перелета отсыпаться до ужина, а потом дал задание: написать плакаты для столовой. В каждом стройотряде столовая украшалась плакатами, всегда бодрыми и юмористическими. Практически всюду они повторялись и оказывались в итоге одинаковыми, хотя их, конечно, не утверждал никто сверху. Просто трудно придумать что-то новое, когда комиссар ставит задачу написать нечто жизнеутверждающее, не скучное, не острое и политически приемлемое. В тот раз я исполнял на клеенном ватмане растяжку над раздачей: НАМ ПИЩА СТРОИТЬ И ЖИТЬ ПОМОГАЕТ. А вдобавок написал пару лозунгов поменьше, из Ильфа и Петрова – в советские времена все, включая меня, обожали Ильфа и Петрова, носились с ними, как с писаной торбой, и к месту и не к месту приплетали: ТЩАТЕЛЬНО ПЕРЕЖЕВЫВАЯ ПИЩУ, ТЫ ПОМОГАЕШЬ ОБЩЕСТВУ. А также: ЗА КАЖДЫЙ СКОРМЛЕННЫЙ ВАМ ВИТАМИН Я ПОТРЕБУЮ МНОЖЕСТВО МЕЛКИХ УСЛУГ. Впрочем, последний плакат не понра-

вился впоследствии инспекции, что приехала из городского отряда, и его сняли.

Стройотряд, замечу, несмотря на сопровождавший его милитаристский лексикон (бойцы, командиры, комиссары, трудовой фронт и пр.), являлся местом, практически свободным от советской идеологии. Никому бы и в голову не пришло соорудить на его территории стенд «Решения XXV съезда партии – в жизнь» или прикрепить на стене в столовой призыв, обычный для любой учебной или рабочей столовки: «Хлеба к обеду в меру бери! Хлеб драгоценность, им не сорй!» В стройотряде и без того никому в голову не приходило брать хлеба больше, чем надо, а потом бросать объедки в помойку. А если бы кому пришлось, друзья или начальство наглядно объяснили бы небережливому, сколь он не прав.

Итак, после ужина, расстелив и склеив ватман на нескольких сдвинутых столах, я принялся размечать будущий лозунг. Лидия в то время оказалась старшей по кухне. Разумеется, я начал за ней ухаживать. Я не помню, что грузил тогда ей – однако стиль, в котором мальчики распускают хвосты перед девочками, не изменился за прошедшие пару тысяч лет – и вряд ли модифицируется в будущем. Только аксессуары меняются или окраска перьев. В наши времена перьями были анекдоты, а также своего рода словесные метки, которые, будучи рассыпанными по разговору, демонстрировали избраннице высокий статус претендента: да, я в стройотряд за длинным рублем поехал, но я москвич, и квартира у нас в

Перове трехкомнатная, у папы «Жигули», права у меня имеются. И интеллектуальный уровень, конечно, предъявлялся: ах, Таганка, «бульдозерная выставка», а ты Маркеса читала, а вот есть еще классный перуанский автор Марио Льюса.

Что требовалось от девушки? Смеяться и кивать, да невзначай сообщить мне, что она тоже москвичка, а в отряд отправилась, как и я, подзаработать. Кроме того, я помогал ей тягать котлы, а она подсобила под конец повесить над раздачей мою растяжку про пищу, что жить помогает, и покормила меня курицей, оставшейся от обеда. Просто вытащила противень, на котором плавало в жиру штук восемь жареных кусков – из них я съел пять, макая хлебшек в жир. В три часа ночи – какая там, к дьяволу, в восемнадцать лет забота о фигуре и здоровом питании! Наестся бы!

На следующий день начиналась основная работа – нас с бригадой (той самой, теперь-то я их всех помню по именам: Пит Горланин – Антон Марцевич – Юра Пильгуй – Саша Кутайсов – Виталик Селиверстов и Семен Харченко) стали возить в автобусе на объект. Виделись мы с Лидой за завтраком-обедом-ужином, однако не ежедневно, девчонки дежурили сутки через сутки, а после отсыпались. Вечерами я рисовал плакаты, будь они неладны, и боевые листки. Потом пришла суббота, а это означало, что вечером будут танцы.

Лагерь наш был разбит на краю яблоневого сада – вероятно, полузаброшенного: во всяком случае, никого вроде колхозников я в нем ни разу не видел. Как раз заканчи-

вался май, яблони цвели. Расстился дивный запах, жужжали жирные сибирские пчелы. И среди идиллии сада разместились огромные брезентовые палатки военного образца. Внутри каждой находилось штук двадцать никелированных кроватей и столько же тумбочек. Одежда вешалась на гвозди, что торчали из столбов, поддерживающих брезентовый свод. Климат в Зурбагане оказался резко континентальный, по вечерам пар валил изо рта, и первые дни я спал в одежде, да еще надевал на себя ушанку. В нашей палатке каждый спасался от холода, как мог. Иные дрыхли, укрывшись не только одеялами, но и лишними матрасами.

В стройотряде действовал строгий сухой закон. Да и где спиртное купишь: до ближайшего жилья километров десять. Впрочем, если боец выпивал тихонько и не особенно безобразничал, хода пьяному делу обычно не давали. И перед субботними танцами, опосля поездки в городскую баню, Антоша Марцевич (уже тогда его любовь к спиртному давала себя знать, чаще всего именно он оказывался инициатором выпивки), улыбаясь и потирая руки, молвил: «Как говорил Суворов, продай белье – но после бани выпей». Мы откликнулись ржанием:

- Кому белье-то продавать? Кто его здесь купит?
- Антоха, купи мои трусы!
- А ты пойді в женскую палатку продай!
- Продать-то белье не шутка – главное, у кого выпивку достать?

– В полковой обоз иди! К маркитантке!

– Ребята, у кого есть знакомая маркитантка? Тащи сюда маркитантку!

Словом, разговор ушел в сторону, куда всегда уходит в молодом мужском коллективе: подначки, ржание, выпивка и бабы. Кто бы поверил, что диалог ведут представители будущего передового отряда советских ученых и инженеров, призванных проникнуть в тайны атомного ядра! Чистая казарма! Солдатня, в лучшем случае подпоручики!

И тут Марцевич (замечу, опять именно он) вытащил из тумбочки и брякнул на стол два пузырька одеколона «Саша» (девяносто копеек бутылочка).

– Фу, – скривился рафинированный Питер, – нет, господа гусары, без меня. – И демонстративно вышел из палатки. Не стал участвовать в сабантуе Сема Харченко и тоже улизнул из спальни. Я пить отказался, но уходить не стал, решил понаблюдать за процессом. У меня даже мелькнула мысль написать картину на сюжет: распитие одеколона в стройотрядной палатке – но кому в те времена был нужен такой рисунок?! За него по головке бы не погладили – и мысль ушла вплоть до сегодняшнего дня, когда я ее снова вспомнил. Однако время безнадежно упущено, теперь по причине полной архаичности содержания.

Способ, как потребляется одеколон внутрь, продемонстрировал снова Антоха. Разлил напиток по четырем стаканам, в своем растворила пару кусков сахара, заначенных от

завтрака, выдохнул и бойко хватанул. Закусил черняшкой. Остальные бодро последовали его примеру – с переменным успехом. Селиверстова всего переколбасило, у Пильгуя напиток, кажется, пошел носом, и он выскочил из палатки. Кутайсов лишь солидно крякнул.

Так и пошли мы на танцы – подзаряженные, наодеколенные: кто-то снаружи, а кто-то внутри. Танцульки устраивались в помещении, смежном со столовой, называлось оно «баром»: хоть неотапливаемым, зато не под открытым небом – все казалось теплее. Бармен за свежесколоченной стойкой наливал бойцам (бесплатно) соки из трехлитровых банок: томатный, яблочный и березовый. Если упросить, мог сварить кофе на плитке. Парочка самых страхолюдин с кухни уже сидела в уголку в накинутах на плечи тулупах. Лиды не было. Музыку запустили через магнитофон «Комета» – то были первые и последние танцы, где не пахала группа Кутайсова и Пильгуя: аппаратуру везли из Москвы поездом четверо суток, и она покуда не добралась. Впрочем, Кутайсова все равно уговорили спеть – под обычную, не электрическую гитару. Состоялся, таким образом, акустический концерт – впрочем, тогда подобным словосочетанием еще не оперировали.

И как раз к моменту, как Сашка начал перебирать струны, в бар, наконец, пришла Лидия с подружками. Я, разумеется, с самого начала ждал ее – однако спрашивать кого бы то ни было о ней, а тем более искать девушку счел ниже своего

достоинства.

И вот, никто не успел перехватить – я первым пригласил Лиду. Она скинула с плеч пальтишко (я был в двух свитерах), и мы закружились. Это всегда была лотерея: далеко или близко девушка позволит тебе быть с ней во время танца. Каждый раз дело зависело от нее, и далеко не всегда близость в танце означала податливость (но последнее я, девственник, понял совсем не сразу). Лидия позволила себе многое. Моя рука прижимала ее талию. Ее небольшая грудь уперлась в мою. Я, казалось, ощущал ее всю, и щекой – гладенькую щеку рядом, чувствовал ее дыхание. Оно слегка отдавало хмельным и сладковатым, и я сообразил, что девчонки в своей палатке подготовились к танцам лучше нас: привезли из города (или из Москвы) бутылку-другую сладкого вина. Кровь ударила мне в голову. И тогда я брякнул. Повторяю – у меня еще никогда не было женщины и очень мало опыта, что, наверное, меня извиняет.

– Знаешь, Лидия, у японцев есть праздник, специальный выходной бывает. Они любят цвeтущей вишней. И я приглашаю тебя на праздник.

– Это как? – засмеялась она.

– Пойдем в яблоневый сад.

– О, нет, я сейчас не могу. – Разумеется, ключевым в ее ответе было слово «сейчас», но я тогда этого не понял. Мое вспыхнувшее желание смешало мне все карты. Я, дурак, стал уговаривать ее отправиться в сад немедленно и, разу-

меется, все испортил. Девушка отказала мне бесповоротно. Когда «Отель Калифорния» в исполнении Сашки закончилась, мы ему поаплодировали, а потом я отошел от Лиды: досадливый, неудовлетворенный, смущенный. Решил выйти на открытый воздух, охладиться. Погулял, поглазел на огромные хрустальные звезды, в несметном количестве усыпавшие небосвод. А когда вернулся, моя девушка – та, которую я считал своей! – уже танцевала с Питером.

А потом – танцы длились недолго – мы с парнями курили у входа в бар, и вдруг я увидел пару, удаляющуюся в сторону яблоневого сада. То были Пит и Лидия. Они вышли из света прожекторов (территория нашего лагеря, как ГУЛАГ, освещалась прожекторами), и его рука по-хозяйски легла на ее плечо.

Алексей Данилов

Долгий рассказ Баринаова высосал из меня все соки. Я ведь не мог просто слушать. Во всяком случае, на работе. Одновременно считывается и запоминается гора дополнительной информации. Главное: правду ли говорит собеседник, и в какой степени он откровенен. Ясно же, что полной искренности нельзя ждать ни от кого. В данном случае клиент излагал события близко к истине. Я чувствовал это. Я видел картинку, что сопровождала его рассказ. Холод, ночь, звезды, аромат яблоневого сада, прожектора. И обиженный мальчишка: девушку, которую он посчитал своей, увел другой.

На прощание я сказал художнику, чтобы он вызывал у себя сны. Чтобы делал рисунки или хотя бы эскизы из той своей прежней жизни. Чтобы просто рисовал. «Вы тоже считаете, что существо дела таится в прошлом?» – «Пока не имею ни малейшего представления».

Мы договорились с Кириллом Павловичем о новой встрече и распрощались. Я включил свой телефон, и оказалось, что там меня ждет эсэмэска от моей девушки Вари. Как всегда, без знаков препинания – при том, что в целом Варвара свет-Кононова была грамотной девочкой, просто по непонятной причине напрочь игнорировала любой синтаксис в эсэмэс:

Любимый мне потребовалось срочно уехать
важная командировка
бросилась на вокзал прямо с работы
когда вернусь не знаю
но уже скучаю и люблю-люблю!

Я послал ей шутливый ответ: «А что случилось? Высадились инопланетяне?» Учитывая род занятий Вари и место ее службы, я не совсем валял дурака. В ответ она позвонила из поезда. Куда-то ехала, а куда, не сказала. И, разумеется, не сообразила зачем. Будь она неладна, эта ее высшая форма секретности. «Прости, мое солнышко, – журчал ее голосок, – я постараюсь обернуться очень быстро; я приеду и приготовлю тебе что-нибудь вкусненькое. Чего бы ты хотел?» – «Тебя». – «Дурачок».

Интересно, что мы с Варей оба много работаем, и я сперва опасался, что это станет преградой для нашей совместной жизни – как случилось с моей первой девушкой, Наташей Нарышкиной². Но нет, оказалось, с Варварой все наоборот: когда мы подолгу находимся врозь, оба начинаем скучать, а не ревновать, потом встречаемся и не можем наговориться. Правда, надо заметить, что я рассказываю ей о своей работе практически все, кроме имен клиентов, а она посвящает меня в свои дела очень и очень дозированно – за вычетом того, что составляет предмет государственной или военной

² Об отношениях Алексея Данилова и Наташи Нарышкиной повествует книга Анны и Сергея Литвиновых «Пока ангелы спят».

тайны. Но, главное, в своем общении мы с ней не надоедаем друг другу. Хотя иногда, бывает, схлестываемся не на шутку.

Так и в последний наш совместный выходной. Варя вдруг начала меня подначивать тем, что засомневалась в моих способностях. «Ты, – говорит, – Данилов, трудишься в льготных условиях, люди к тебе приходят излить душу, они к общению с тобой открыты и готовы, поэтому ты к ним в нутро легко залазишь. А ты попробуй, поработай в условиях противодействия, когда пациент блоки ставит и активно сопротивляется. А ведь блоки против таких, как ты, учат ставить даже в школе полиции, я не говорю о других спецслужбах. Вот я, например – неплохо знаю, как от тебя защититься и тебя провести». Короче, завела она меня, вызвала на спор, на слабо взяла. Я сам первый предложил: «Давай проверим. Попробуй защитись!» В итоге договорились, не шутя, поставить опыт: она будет сопротивляться моему воздействию, а я стану ее раскалывать. Оборудование для опыта долго искать не пришлось – оно в каждой семье имеется. Мы взяли колоду карт, и я стал сдавать ей по одной, рубашкой кверху, Варя смотрела, что за масть, красная или черная, была непроницаема – а я пытался отгадать. И что вы думаете? Из ста попыток я отгадал цвет, красное или черное, только в пятидесяти семи случаях! Пятьдесят семь процентов совпадений – это, конечно, не ровно половина, как получилось бы, если б я вообще ничего не умел. Но, согласитесь, не слишком впечатляющий результат для человека, который, как я, деньги

зарабатывает в качестве экстрасенса.

Результаты нашего доморощенного эксперимента меня всерьез завели, и я решил после того субботнего вечера больше практиковаться в условиях, когда собеседник активно сопротивляется моему воздействию. Дело Баринаова стало первым после нашего с Варварой спора. Однако в его *эго* художника я проникал легко, он мне не сопротивлялся и даже не замечал проникновения, а я видел, что он весь открыт для меня и не держит внутри роковых тайн.

Так как дома в тот вечер меня, увы, никто не ждал, я улегся на кожаную кушетку в своем кабинете и решил порассуждать. Да, у меня все дела необычные и не похожи одно на другое. Но столь странного, я чувствовал, до сих пор точно не было. Потому что Баринов хоть и был весь распахнут, у меня после встреч с ним даже крохотной зацепки не появилось: в чем дело и кто (или что) виноват (виновата).

Кирилл Баринов

Данилов посоветовал мне зарисовывать свои воспоминания. Что ж, идея пришлась мне по вкусу. Я всю жизнь работаю по принципу: пишу, что хочу и когда хочу – тем и счастлив. Хотя далеко не богат. Предложение экстрасенса меня завело, и тем же вечером я сделал два наброска. Первый я назвал: «Автобус».

Старый «пазик» везет нашу блатную бригаду на работу. Трудимся мы в городе Зурбаган (бывшее Богорадово). Зурбаган возвели (нам так сказали) комсомолыцы – такие же, как мы, молодые ребята, сразу после войны – первый колышек вбили летом сорок пятого. Разумеется, ударная комсомольская стройка не могла называться в религиозном ключе – Богорадовым, и городок переименовали в честь населенного пункта из гриновских произведений. Может, в переименовании сказала вечная советская паранойя – Зурбаган, как я помню, у Грина город портовый, а этот, реальный, расположен был – неделю скачи, ни до какого моря-океана не доскачешь. Кругом степи, ковыль да бурьян.

Лет через десять после нашего отряда, в перестройку, выяснится, что ударные комсомолыцы были не главной рабочей силой на строительстве города. Главным образом его строили эки и пленные немцы. Тогда же стало известно, что здесь есть очень секретный атомный комбинат, о котором никто из

нас не знал. Мы трудились в городе. Хотя бригада блатная, не скажешь, что работа не бей лежачего: мы машем лопатами, ломками, орудуем отбойными молотками: копаем, бетонируем, рушим. Однако я помню, что комиссар отряда недвусмысленно сказал мне: трудового героизма и особых результатов от вас никто ждать не будет. Наверное, моим коллегам по бригаде он шепнул то же. Главное, его задания исполнять – то есть по вечерам петь, играть, рисовать. Поэтому и Пит Горланин нас особенно не гонял. Но все равно, если вдруг днем бьешь баклуши, начальству на глаза лучше не попадаться – даже комиссару. Дисциплина – прежде всего.

Из лагеря в город на работу и обратно нас возили на автобусе. И вот мой набросок: нутро старого «пазика», Пит помещается на переднем сиденье вполоборота – лицо повернуто к нам (и к зрителям). Он вальяжно полулежит, облокотившись на борт и окно автобуса и положив одну ногу вдоль сиденья. Сзади него помещаются артисты: Селиверстов и Марцевич. Через проход – музыканты: Кутайсов и Пильгуй. А я сразу за ними, в одиночестве. Где Харченко, я понятия не имею. Не поместился – ни в моем сознании, ни на рисунке. Одеты все мы в черные уродливые комбинезоны и тяжелые ботинки. Спецодежду нам выдают. Еще имеются оранжевые каски – нас во имя соблюдения техники безопасности заставляют их носить, даже когда мы работаем в чистом поле. Я думаю, на моем рисунке мы едем с работы – по утрам мы гораздо менее расслаблены, более скучны и собраны. Кто-

то дремлет, особенно часто Марцевич с Селиверстовым. Да, по утрам не до разговоров, и Пит сидит спросонья, не развалившись величаво, а нахохленно. Зато по пути назад мы трындим обо всем. Должен заметить, что интеллектуальный уровень моих друзей, несмотря на то, что они гораздо старше меня, довольно пещерный. К примеру, только от меня они слышали о существовании таких, скажем, художников, как Дали и Мунк. Да и о том, что Моне и Мане – оказывается, два разных человека. О наличии писателей с диковинными именами Сартр, Камю, Кафка их тоже просветил я.

Когда мы возвращаемся вечерами с объекта в лагерь, я веду порой просветительские беседы. Марцевич и Селиверстов реагируют обычно непосредственно: где надо смеются, переспрашивают. Пильгуй рассеянно смотрит в окно, и непонятно даже, слушает ли. Кутайсов и Пит себе на уме: делают вид, что и без того все (или почти все) знают.

И вот какое ощущение надо передать в будущей картине – не знаю, удалось ли в эскизе: мы все очень молоды. Ужасно, непозволительно юны. Мне восемнадцать, а Марцевичу, Кутайсову и Питу по двадцать два, но мне тогдашнему они кажутся стариками. И вот, не успели мы глазом моргнуть, все мы, включая меня, возмужали и даже состарились. Более того – никого, кроме меня, больше нет на свете. Да и мне непонятно сколько осталось.

Однако чаще в автобусе солирует Питер. Его основная и, кажется, единственная тема – бабы. Причем – это видно – он

не врет и не приукрашивает, как любят делать многие парни. Незримый аромат правды присутствует во всех его историях про одноклассниц, однокурсниц, старшекурсниц, пионервожатых, медсестер и даже преподавательниц, врачей и работниц торговли. Он сластолюбец, у него полные, красные, влажные губы и ямочка на подбородке. Однако определенное джентльменство свойственно и ему, он никогда не называет имен своих пассий и даже намеков, кто они, никаких не делает. Парни порой задают ему вопросы, ржут или комментируют – я сижу тихо, мне совершенно нечего рассказать о собственных постельных подвигах, вдобавок я слушаю о похождениях Горланина с напряжением и холодноватым ужасом: а вдруг он сейчас расскажет про Лидию? Тогда я убью его. Однако нет, в многочисленных незнакомках трудно опознать ее, жутко предположить, что и она успела стать одной из его побед.

Но вот автобус останавливается, мы возвращаемся в лагерь. Вываливаемся из «баса» (так зовет транспортное средство Питер, он вообще ужасный пошляк, автобус называет «басом», буфет – «баффетом», а завтрак именуется «брек-фестом»). Сразу из автобуса, не вымывшись и не переодевшись (чтобы не заставлять ждать поваров и дежурных), идем ужинать. После того как Лидия стала встречаться с Питом, я с ней общаюсь формально. «Здрасьте, мне картошки жареной побольше, до свидания». Своим взглядом я стараюсь выразить свое глубочайшее огорчение ее предательством.

Она порой отвечает мне удивленным взором оскорбленной невинности: за что ты, мол, меня презираешь? Был бы я старше и опытней, не оставил бы своих усилий – глядишь, и Пита бы переиграл. Однако я, дурачок, уступил ему девушку без боя.

Пит время от времени отсутствует в палатке после отбоя – как правило, эти вечера совпадают с теми, когда Лидия не дежурит на кухне. Шляться после двадцати трех по лагерю и тем паче выходить за его пределы – нарушение. Впрочем, командир отряда и штаб обычно смотрят на это сквозь пальцы – особенно если в числе нарушителей вдруг окажется бригадир. Возвращается Петька, как правило, через час-полтора. Его кровать располагается через проход от моей, и я иногда просыпаюсь, когда он появляется – а порой еще не успеваю заснуть. Но, разумеется, делаю вид, что сплю... Впрочем, все это находится за кадром и в мой набросок не вошло – не знаю, удалось ли передать мое тогдашнее (и сегодняшнее) отношение к Питу на рисунке.

Вторую картину, которую я набросал по просьбе Данилова, можно назвать в духе готических романов «Страшная находка». Полотно будет изображать тех же персонажей, что в прошлой работе, и в тех же одеяниях – только, в отличие от предыдущего наброска, нас уже семеро, появляется Семен Харченко. У нашей бригады нет постоянного объекта: перебрасывают с шашки на шашку. Я понятия не имею, кто и сколько нам за работу платит: это дело начальства, причем

даже не Пита, его тоже не посвящают в денежные дела, а куда более высокого: командира отряда, начальника штаба. Оба этих парня прохиндеи еще те, у них на физиономиях написано. Когда в стране начался капитализм и частная инициатива, я все ждал, что оба появятся или в списках богатейших бизнесменов, или в мартирологе застреленных на разборке. Не встретил, слава богу, ни там, ни там. Видимо, даже их ловкачества не хватило, чтобы преуспеть по-крупному в новые времена. А может, недостало связей. Или, наоборот, оказался слишком высоким порог честности – все-таки бывшие студенты-физики.

Один из наших объектов в Зурбагане – местный политехнический институт. Задача простая: ремонт в лаборатории на кафедре физики. Институт располагается в одном из немногих сохранившихся с дореволюционных времен кирпичных зданий. Искомая лаборатория находилась в подвале. Высоко под потолком – окошки, иногда в них видны ботинки или туфельки проходящих. В комнате сводчатый потолок, когда мы отдираем и без того отваливающуюся штукатурку, обнажаются мощные стены красного кирпича. Мы вскрываем полы, выносим на помойку старые половые доски и лаги. Под полом – земляное основание. Одна из наших задач – землю выровнять, затем засыпать песком и, для теплоты, керамзитом. Ломать не строить, мы за один день обдираем стены и доски; вдвоем с Харченко и Пильгуем прыгаем с деревянного пола вниз на земляной. Надо часть земли снять,

чтобы потом сюда поместились песок с керамзитом. Я первым всаживаю лопату в мягкую землю, и под штыком что-то хрустит. Я осторожно окапываю предмет, освобождаю его от земли. От нехорошего предчувствия меня начинает мутить. Потому что предмет оказывается... человеческим черепом! Меня хватает только на шепот: «Ребя-та...» Ко мне оборачивается Харченко, видит все и, ах, падает без чувств на землю. Загорелое лицо Пильгуй стремительно бледнеет. К нашему раскопу подбегают остальные: они смотрят сверху, с деревянных остатков пола. Пит реагирует быстрее всех – ему положено, на то он и бригадир. «Санька, – командует он Кутайсову, – давай, беги звонить командиру. А ты, Юрка, – обращается к Пильгую, – иди ищи нашего здешнего работодателя». Сам Пит хватает железную кружку, наливает из питьевого бачка воды, набирает в рот и прыскает на лежащего без чувств Харченко. Тот приходит в себя. Шепчет: «О, господа» – и быстренько бочком вылезает из ямы.

Однако на моем эскизе, сделанном для Данилова, изображен момент парой минут позже. Пильгуй уже позвал местного преподавателя (или завхоза?) – нет, все-таки преподавателя, слишком грамотная речь и интеллигентные манеры. Как его звали, не помню. Да и какое это имеет значение! Дядечка очень маленький, очень плотный, но не толстый – весь квадратный. И очень большие стопы – в носках с сандалиями. Размер обуви, наверное, сорок восьмой. Где он только в Союзе, где все было рассчитано на золотую середину, сан-

далеты доставал! Рисуя его, карандаш неминуемо сбивается на шарж – несмотря на то, что тема драматическая и даже трагическая.

Мы все ввосьмером, семеро студентов и чужой преподаватель, стоим на лагах и досках, оставленных лишь у одной стены, у входа, и с бледными, ошарашенными лицами смотрим вниз в раскоп. Один Харченко не глядит – стоит спиной, отвернувшись. А в раскопе лежит череп. Чистенький, беленький, молодой, почти со всеми зубами – как из кабинета биологии. И в затылке у него маленькая аккуратная круглая дырка.

«Все ясно, – пожимает плечами преподаватель, – говорят, в былые времена здесь в особняке гестапо было».

– Какое гестапо? – выкатывает глаза Пильгуй, он вообще не слишком сообразителен. – Здесь Сибирь, немцы сюда не дошли!

– Я наших имею в виду, – мягко поправляется препод и, видя, что Юрка все равно *не въезжает* или *не просекает*, добавляет тихо: – НКВД тут располагалось в тридцатые. – А потом советует нам: – Дуйте-ка вы, ребята, отсюда. Придется людей из большого дома вызывать, начнутся расспросы: кто копал, зачем копали, а у меня договоренность: косметический ремонт хозспособом, силами сотрудников кафедры. Пусть ваш командир прямо сейчас сюда на вашем автобусе приезжает и вас вывозит к едрене фене, от греха подальше.

Потом рассказывали, что у руководства кафедры физики зурбаганского политеха были большие неприятности. Да не за то, что страшные находки сделали, а за то, что без согласования с областью, партийными властями и министерством затеяли перестройку в лаборатории – а платить работникам, то есть нам, собирались наличными из денег, которые выпи-сали по фиктивным договорам якобы за научные исследо-вания. Такая крамола была посерьезней любого найденного черепа. ОБХСС дело завело. Не знаю, чем все кончилось, посадками и просто выговорами – однако наше стройотряд-ное начальство от махинации открестилось и вышло сухим из воды.

А о бедных черепах и косточках замученных в подвалах людей никто в отряде и не говорил больше, словно их и не было: кто убит, когда, кем, за что? Подобные разговоры о ре-прессиях, что имели место при Сталине, в те годы (впрочем, как и сейчас) не поощрялись. Больше мы в местном полите-хе не были, с преподавателем тем квадратным не виделись, и чем закончилась история с черепом, не ведали. Оставалось надеяться, что убитые обрели, наконец, упокоение.

Расскажу и о третьем, последнем эскизе, что я набросал по заданию Алексея. Как и два предыдущих, я писал его, ра-зумеется, по памяти и удивлялся сам себе: почему я рань-ше, за тридцать с лишним лет, даже не пытался эти темы за-тронуть? Сейчас почти все забылось, и потребовалось несча-стье – гибель всех друзей, чтобы сюжеты всплыли в памяти.

А было так. Мы работали под открытым небом на одной из улиц Зурбагана: рыли канаву под кабель. Недаром земляные работы считаются самыми тупыми и тяжелыми (не считая бетонных), а мы были бригада артистическая – позволяли себе много перекуров. Вот под конец дня – солнце уж клонилось к горизонту – валяли дурака все семеро, лясы точили: расселись, кто на древках лопат, положенных поперек канавы, кто на кирпиче, кто на фанерке. И тут Пит вдруг высказался: адресуясь ко мне, однако во всеуслышанье:

– Надоела мне, Кир, твоя Лидия. Сколько можно с ней по саду таскаться! Забирай ее, Кирюха, себе, если хочешь.

– Почему это она, интересно, «моя»? – воскликнул я, постепенно свирепея. – И почему ты ею распоряжаешься?

Питер посмеялся весьма цинично:

– Хе-хе-хе... Все ж знают, что ты по ней сохнешь.

– Ах ты, гаденыш! – взревел я и подступил к нему. Он был крупнее меня и мощнее. Однако я тоже в стройотряде накачал силушку.

– Что ты хочешь мне сказать, мальчик? – с нескрываемой издевкой пропел он это слово: «маал-щик».

Я пихнул его в плечо – он отлетел. Он не упал, но пошатнулся, потом сделал несколько шагов по направлению ко мне и в прежнем высокомерном стиле хлопнул открытой ладонью меня по щеке. Не больно, но обидно. Этого я стерпеть не мог и засветил Петру под глаз. Он упал, вскочил и бросился на меня. Он успел мне нанести, кажется, сдвоенный прямой,

второй удар чиркнул меня по щеке. Потом нас растащили – меня схватили за руки двое артистов, Петю – оба музыканта. Харченко, как всегда, остался в стороне.

Забыл сказать, что эта драка происходила в ограниченном пространстве канавы – до того, как она началась, мы с Питом сидели друг против друга на положенных поперек ямы древках лопат. Другьям, чтобы развести нас, потребовалось тоже спрыгнуть в узкий ров. Посему композиция у моего рисунка получилась сложная: всех нас, шестерых, видно лишь выше пояса; двое держат меня, двое – Пита.

Закончилась история с дракой иначе, чем я ожидал: я решил уйти из бригады и ребятам сказал: «Не буду больше работать с притырком!» Однако не успел еще в штаб сходить, как Петр сам подошел ко мне и вдруг проговорил, пряча глаза: «Ты прости меня, Киря, за то, что я оскорбил тебя в лучших чувствах, – я был не прав». Я растаял и молвил: «И ты меня прости, Пит, что я тебе засветил». Потом злоязыкий Кутайсов говорил мне наедине, что «бригадир наш страшно очковать стал, что тебя в штабе станут пытаться, почему хочешь уйти, и ты расскажешь про драку». – «Он, что, идиот, никогда б я его не заложил!» – «Но он-то не знал, и зас... ал, – употребил Саня неприличный эквивалент слова испугаться. – Получилось бы в глазах штаба, что Пит, как начальник, не справился: бьет средь бела дня своих бойцов, чуть не покалечил отрядного художника».

Так или иначе, мы с Питом помирились, я остался в бригаде – а он поумерил свои рассказы о постельных подвигах и про Лидию больше не высказывался.

Алексей Данилов

Рисунки Баринаова показались мне окрашенными в тревожные тона. Чего стоил, например, последний, когда двоих парней разнимают внутри канавы. Они все – участники драмы, трое с одной стороны, трое с другой – наполовину засыпаны землей. Кучи песка и глины вокруг, из них торчат только перекошенные гневом лица Петра и Кирилла. И если учесть, что, по словам клиента, пятеро из шестерых действующих лиц умерли и похоронены, причем недавно, трудно не опасаться за судьбу шестого.

Да и второе (из трех) произведение – подумать только! То же – семеро парней (альтер эго автора, в том числе) и дядька в возрасте находятся рядом с разрытой могилой. Шестеро из тогдашних действующих лиц умерли. Они все заглядывают в могилу с болезненным любопытством – а там валяется человеческий череп с отверстием в затылке.

Я задал клиенту пару вопросов, чтобы проверить, понимает ли он сам, сколь зловещи его произведения – прежде всего по отношению к нему самому. Не понаслышке, а по личной практике я знаю, что человек практически всегда сам предчувствует свою собственную судьбу. Но многим, увы, не хватает чутья и прозорливости, чтобы расслышать сигналы, которые подает им судьба. Творческим людям в этом смысле легче. Грозовая туча, которая над ними нависла и готова раз-

разиться с минуты на минуту смертельным ливнем, невольно прорывается в их произведениях. В любых жанрах – особенно в столь тонких, как поэзия, музыка, живопись. И тем более в спонтанном рисовании.

Однако – и я это тоже замечал не раз – сами творцы бывают удивительно слепы и глухи к тому, что они себе напророчили. Им нужен близкий, умный и чуткий человек рядом (или человек столь специфических талантов, как я), чтобы прочесть, расшифровать их собственное предсказание. Обычно в качестве подобного авгура выступает близкая художнику любящая женщина. Однако никого такого в жизни моего клиента не было. Поэтому о грозящей опасности волей-неволей должен был предупредить его я.

Нет! Он правда ничего не предчувствовал! И я потратил едва ли не битый час, чтобы объяснить Кириллу Павловичу, что ему угрожает опасность, и призвать его к всемерной осторожности. А потом сказал о том, что тоже лежало на поверхности – чего он сам не понял. Он был отчасти удивлен, когда я заявил непререкаемым тоном:

– Раз все ваши рисунки касаются стародавних времен, похоже, разгадка произошедшего в них и кроется. И коль скоро из восьми участников событий шестеро мертвы – придется расспросить единственную персону, которая, кроме вас, способна ответить.

– Но кто это?!

– Вы еще не поняли? Кстати, почему вы до сих пор не

нарисовали для меня ее портрет?

– Лидия?

– Разумеется. И я прошу вас найти ее. Просто найти. Раньше я думал, что вы должны с ней встретиться. Однако теперь, после того, как мы поняли, что вам может грозить беда, настаивать не буду. Просто отыщите мне ее. И я, вероятно, встречу с ней сам.

– Вы думаете, – промолвил он ошарашенно, – виновник происшедшего – она?

– Возможно. А возможно, она просто знает, в чем дело. Или чувствует это.

Кирилл Баринов

Трудно написать портрет женщины, в которую ты был влюблен тридцать лет и три года назад. Невольно думаешь, а что сделало с ее лицом безжалостное время, как потопталось на нем, изрезало его... А может, кто знает, и улучшило: бывает сорт женщин – их немного, по моим наблюдениям, две-три на сотню, – которых время (и собственные усилия) делают лучше, чем прежде. Да, я бы хотел взглянуть на Лидию сейчас.

Общих друзей после смерти Пита у нас не осталось, и я стал искать ее через Интернет.

В первой соцсети, что я прочесал, ее не было. Во второй тоже. И я невольно соскользнул мыслями в прошлое. Ведь я однажды рисовал Лидию – во время московской Олимпиады, в день, когда хоронили Высоцкого. Интересно, что стало с тем рисунком? Вряд ли она его сохранила, а жаль, была бы память обо мне – мальчишке, больше ведь никаких моих рисунков и эскизов тех времен не сохранилось, только первая картина с похоронами Высоцкого.

Тогда я увел Лидию из скорбной очереди со словами, что надо где-нибудь помянуть поэта. Те времена – не нынешние, когда между идеей оскоромиться и ее воплощением проходит обычно лишь пара минут – достаточно завернуть в любое заведение, что раскинулись повсюду. А тогда на Верхней

Радищевской не было ни одного кафе, бара или ресторана (кроме «Камы» рядом с театром, но тот ресторан был закрыт по случаю похорон). Ничего подходящего я не знал ни на Яузских воротах, ни на Солянке. Мы могли бы брести, куда глаза глядят, сколько угодно, и прошли бы часы, прежде чем отыскивали пищевую точку – что-нибудь типа пельменной, потому что большинство тогдашних ресторанов по случаю наплыва иностранцев на Олимпиаду закрывалось на спецобслуживание. Любое развлечение в Белокаменной, в том числе выпивка с девушкой, требовало подготовки. Однако не зря я целый год отучился в далеко не последнем столичном вузе – появились знакомства, в том числе из тех, что на вес золота.

Радищевская была перекрыта, только на Котельниках появились машины, и первое же такси, которому я махнул, остановилось. Поистине бомбилы во все времена чуяли клиентов с деньгами – а я после стройотряда таковым и являлся. Я небрежно сказал шоферу адрес. Слава богу, ехать было недалеко. Я сел с Лидией на заднее сиденье и взял ее руку в свою. Ладонь у нее оказалась маленькой, она ее не отобрала, и я поздравил себя с первым успехом.

Водитель высадил нас у ресторана, я отсыпал ему щедрые чаевые. Швейцару, который сторожил вход в заведение, я сказал: «Мы к Мишане». – «Он сегодня выходной», – молвил несвежий дядя в галунах, однако манеры его смягчились, все-таки я был не просто человек с улицы, а знакомый

одного из допущенных к раздаточной – официанта. «А чего вы хотите?» – спросил он, как будто и так не было ясно. «Посидеть, отдохнуть», – молвил я и плавно опустил трешку в его карман. Тот проводил купюру искоса, проговорил: «Бльгыдырсуите, – и скомандовал: – Пошли». Ресторан оказался полупуст, швейцар передал нас пожилой официантке, и рекомендации цербера и Мишани сработали: она усадила нас за лучший столик и отнеслась, как к собственным детям (возможно, в ее материнском отношении к нам и было что-то личное – наверное, у нее такого же возраста сын рос, как я). Я чуть не впервые в жизни самостоятельно пользовался собственным благом в ресторане. И чуть не впервые бросал на ветер лично заработанные деньги. И еще на глазах у самой прекрасной девушки (как считал я тогда), в полупустой, солнечной и умытой столице! Было от чего испытывать подъем – еще до всякой выпивки я себя чувствовал, как будто принял пару бокалов шампанского.

О чем мы говорили в тот день, я не помню. Видимо, я вещал напропалую – охмурял. Не помню, что ели. Осталось в памяти, что пили водку – я уговорил Лидию, что именно ею следует поминать покойных. А еще я написал тот самый ее портрет: в несколько росчерков, достав из заднего кармана брюк блокнот – с ним я тогда не расставался. Помню, что она была восхищена и даже поражена сверх меры. Я подарил ей изображение, поставив дату (28.07.1980) и подпись. Тут я понял, что надо действовать, и попросил счет.

На выходе она покачнулась, как будто перебрала – а может, и впрямь перебрала, – и я взял ее за талию. Лихорадку любви сменил трезвый расчет – все-таки уроки Пита, его околобабский бубнеж в стройотрядном автобусе, прошли не даром. «Куда везти ее? Домой? Родители вот-вот придут с работы. Общага? Никого знакомых там нет. Мастерская Уфимцева? Мэтра я не предупредил, да и вообще будет страшно неудобно. Поехать в лес? В Измайловский парк?» Кончилось тем, что я – новый, смелый и рассудительный я – увлек ее в подъезд близлежащего дома дореволюционной постройки.

Дальше рассказывать совсем неохота. Никаких домофонов, не говоря о консьержах, в подавляющем большинстве столичных парадных тогда не было. Мы проникли на последний этаж. Последовали страстные объятия и поцелуи на подоконнике. Я хватался за ее грудь, удивившую меня своим холодом. На последнем этаже квартир не было, только лаз на чердак, и никто нам не мешал. Короче говоря, именно там и в тех условиях я, наконец, стал мужчиной. Точнее сказать, испытал свой первый оргазм не в одиночестве. Утверждать, что в тот вечер *познал* женщину, я бы не стал. Куда-то тыкался, как слепой кутенок, и в какой-то момент неожиданно разрядился.

Потом я, как джентльмен, проводил девушку до дому – аж на «Кунцевскую». И мы договорились встретиться послезав-

тра: родители пообещали принести мне два билета на утренние соревнования по легкой атлетике.

Что говорить? Остаток того дня и весь следующий я летал словно на крыльях. Свершилось два великих (как я думал тогда) события: ко мне проявила благосклонность Лидия и я стал мужчиной! Следующую встречу я хотел провести на более высоком уровне и потому упросил Уфимцева при помощи бутылки коньяка уступить мне на полдня его мастерскую. Оставались мелочи: купить выпивку и сласти для нас, по благословенным олимпийским временам сложности это не должно было составить.

Мы встретились с Лидией на прохладной и полупустой станции метро «Спортивная», дошли до Большой арены «Лужников». В громадной чаше полыхал олимпийский огонь, и это наполняло душу чувством сопричастности. Мы сидели на трибунах на солнечной стороне, на деревянных скамеечках. На арене кто-то бегал, прыгал, что-то метали. Ни одного финала днем не намечалось, потому и народу на трибунах оказалось не очень много. Довольно быстро зрелище наскучило нам обоим, и мы ушли. Решили – лучше прогуляться. В этот день Лидия вела себя так, будто между нами позавчера ничего и не было. Обнять себя не позволяла и даже отдернула руку. Была рассеянна и холодна.

Всю олимпийскую неделю, что я провел в Москве, царила прекрасная погода. Не знаю, была ли она рукотворной, разгоняли тучи или нет, но не пролилось ни дождемки, свети-

ло солнце, кутаясь порой в облачка, и жарко не было: плюс двадцать, двадцать пять.

Разговаривая о том, о сем – однако, не касаясь того, что позавчера произошло меж нами, – мы, отмахав изрядное расстояние, оказались на старом мосту над Москвой-рекой. Ни одного человека не было на многие мили, и я потянулся Лидию поцеловать. «Не надо», – сказала она и резко отстранилась. Я потащил ее к перилам посмотреть на воду. Она ошутимо побледнела. Проговорила: «Я боюсь высоты». Что ж, пришлось быстренько с моста уматывать. Мы очутились на набережной, шли в сторону Парка культуры, и я обрисовал ей широкими мазками программу, которую для нас подготовил: «Поедем в мастерскую к моему старшему другу, там выпьем немного, и я постараюсь тебя написать – настоящий портрет, в полный рост». – «Нет, я не хочу», – заявила она строго. «Ладно, давай без выпивки. И без портрета. Просто посидим у него, поболтаем. Я тебе его картины покажу – забавные». – «Нет», – отрезала она. «Но почему?!» – вскричал я. На ее глаза почему-то навернулись слезы. «В чем дело, Лидия?» – упорствовал я – и получил. Пусть со слезами на глазах, но она, гадина, выдавила: «Понимаешь, Кирилл, ты мне не нравишься – как мужчина». Меня словно окатили холодной водой. Я почувствовал оторопь – но ничего не сказал, только ускорил шаг.

Довольно быстро (и, кажется, молча) мы достигли станции «Парк культуры». Так и попрощались.

Не скажу, что больше с ней я не виделся. Мы встречались в коридорах института еще, наверно, с полгода, кивали друг другу, я даже ей как ни в чем не бывало улыбался. А потом она куда-то делась, и я не стал ни у кого выяснять, куда.

А вскоре и мне попалась милая женщина, постарше лет на десять, которая фактически и стала моей первой учительницей в столь сложных вопросах плотской любви: терпеливой и ласковой. Я выбросил Лидию из головы – но, как оказалось, память о ней саднила. Однако сейчас, спустя кучу десятилетий, писать ее портрет я не хотел. Никакой любви или ностальгии у меня к ней не осталось – а нет хуже наказания, чем писать ту модель, которая тебе не нравится.

...Непонятно зачем, однако я все же продолжал поиски Лидии. Может, меня загипнотизировал Данилов, и я не мог не выполнить его просьбу – тем более что она касалась, как он уверял, моей будущности. И вот Лидия появилась в одной из соцсетей, в сообществе нашего института. В аватарку она поставила свою черно-белую фотографию былых, еще студенческих времен – плохой признак, значит, она сегодняшняя весьма нехороша собой, либо считает, что нехороша. Я не знал, что по этому поводу чувствовать: злорадство? Сострадание? Решил, что испытываю всего помаленьку, плюс еще сожаление о быстротечности времени и гнев на старость, которая не щадит никого: ни уродов, ни красавиц, ни тех, кто ни то ни се, серединка на половинку.

И все-таки, несмотря на предостережение экстрасенса, я

написал найденной Лидии короткое личное сообщение. Холодное информативное письмо: я такой-то, мы учились в одном вузе, встречались в стройотряде «Зурбаган-80», а потом на похоронах Высоцкого. Как ты поживаешь?

Она ответила через службу мгновенных сообщений на следующий день: мол, все хорошо, живу в Москве, люблю свою работу, дети выросли. Лидия в данный момент как раз находилась в сети.

– Может, увидимся? – забросил удочку я.

– Зачем? – ожидаемо ответила она.

– Я покажу свои картины, а ты фото своих детей.

– А где ты был все тридцать лет и три года? – последовал от нее предполагаемый вопрос, ответ на который я тоже заготовил:

– Знаешь, я недавно узнал, что скончался Пит Горланин – помнишь его? Хотел рассказать тебе про Петю (и про других наших друзей).

Вряд ли женщина устоит перед искушением узнать, что стало с ее любовником – а в том, что Петрундель все-таки был ее любовником, я нисколько не сомневался. (Себя таким я считать решительно не мог.) И она – повелась! Вот что значит – вырасти в ментальном и профессиональном смысле, сказал я себе. А самое главное, перестать желать Лидию и нуждаться в ней – тогда она (как и любая женщина) начинает плясать под твою дудку. Эх, мне бы с ней в восьмидесятом так! Она еще пыталась делать строгую мину, написала:

«Дай мне свой номер телефона» – притом не называя собственный. Я написал.

...Однако я, наверное, поспешил со своей горделивой радостью, потому что прошло два, три, четыре дня – она не звонила. А тут как раз подошло время очередного визита к моему экстрасенсу Данилову. К слову, я пока не определился, как к нему относиться: то ли он и впрямь обладает необыкновенными способностями и ставит их на службу заказчикам? То ли ловкий мошенник, обводящий всех вокруг пальца? То ли просто удачливый частный сыщик, а его сверхъестественные возможности – не более чем рекламный трюк?

Алексей Данилов

– И очень хорошо, Кирилл Павлович, что вы с ней не встречались, – убежденно сказал я ему. – Зачем вам Лидия? Зачем лишнее общение? Если б оно хотя бы с приятными воспоминаниями было связано, так ведь нет!

Мы договорились, что Лидию я возьму на себя. Легко, конечно, сказать возьму, но – как? Какие нащупать к ней подходы? Я не следователь, на допрос повесткой вызвать ее не могу. Не оперативник (как моя дражайшая половина Варя) – красной книжечкой не козыряю. Наконец, я даже не частный сыщик. Самый обыкновенный гражданин...

В итоге я придумал не бог весть какую схему, однако надеялся, что она сработает. Тем более что Баринов уже начал Лидию разрабатывать. Я сказал ему, чтобы он отправил своей несостоявшейся возлюбленной короткий текст: «Я вижу, что ты, Лидия, не хочешь со мной встречаться, однако на днях в Москву из США прилетел наш бывший соотечественник. У него посмертное поручение от Петьки. Когда разбирали его вещи в американском доме, нашли послание, адресованное тебе, а также небольшой подарок. Посланник хочет с тобой встретиться и передать все лично в руки. Позвони ему, зовут его Алексей». Далее я указал мой прямой номер.

И она мне позвонила. Какая женщина устоит перед волшебным словом «подарок»? Кого не вдохновит тот факт, что

письмо и сувенир, ей адресованные, – посмертные! Смерть возвышает любовь, облагораживает ее тривиальность.

Мы договорились встретиться в кафе на «Таганской» – она неподалеку работала. Мне Лидия сказала, что будет в черном платье – наверное, в честь скорби по Питу. Но когда я ее узрел, понял, что фишка в другом: дамы отчего-то считают, что черное скрадывает полноту. Маленькая хитрость, возможно, иногда срабатывает – но не в данном случае. Тут толщина была такая, что никакой черный цвет не поможет. И мне подумалось: вот почему гражданка столь старательно избегает встречи с Бариновым. Кому приятно демонстрировать, насколько ты переменялся в худшую сторону! Да еще мужчине, который некогда в тебя был влюблен. Да, «девушка» весила теперь, наверное, килограммов сто пятьдесят. Просто глыба какая-то. Черный айсберг. Мы поздоровались, я сел. Она ела пирожное с капучино – видимо, никак не может остановиться, любит сладенькое, несмотря на свои размеры. И еще она сверкнула на меня оценивающим, очень женским взглядом. И тут же погасила его, видимо, подумав: «Мальчик, увы, слишком юн для меня». Однако главное, что я почувствовал в отношении ее, – то, что она, пожалуй, чиста и вряд ли имеет касательство к шести убийствам (если это, конечно, убийства). Но в то же время понял я и то, что Лидия может знать нечто, имеющее отношение к делу.

Настала пора предъявить подарок и послание от незнакомого мне Пети-Питера. Я достал из портфеля картонную ко-

робочку и письмо в конверте. Первым долгом она, как и всякая женщина, открыла коробку. Там лежали два малых газетных свертка. Разочарование отразилось на ее лице. Она стала разворачивать первый. Я тщательно соблюдал аутентичность, даже купил для обертки в переходе под Тверской «Нью-Йорк таймс». Лидия извлекла первый предмет: то было ярко-красное яблоко. Надеюсь, она не определит, что оно куплено в ближайшем к моему дому московском супермаркете. Второй сверток оказался полностью идентичным первому – наливное яблочко. Женщина явно расстроилась. Видно, ни я, ни покойный Питер не оправдали ее надежд. Она взялась за послание. Я надеялся, что она если и знала, то успела забыть его почерк. Судя по рассказу художника, кем-кем, а романтиком погибший в Нью-Йорке Питер не был. Однако я знал, что любую женщину, сколько бы ей ни было лет, возьмет за душу щепотка романтики!

«Дорогая Лидия, – написал я за Пита от руки, – мы не успели собрать плоды с того яблоневого сада в Сибири в восьмидесятом. Как память о нем, прими эти яблоки из моего сада в штате Коннектикут. Как жаль, что мы так с тобой тогда нехорошо расстались, я помнил о тебе всю жизнь».

Мое послание от имени Пита пробило женщину на слезы. Она достала платочек и начала по-настоящему реветь, а потом извинилась и умчалась в туалет. Честно сказать, примерно на что-то подобное я и рассчитывал. Катарсис. А за ним должно последовать желание поговорить. Поделиться воспо-

минаниями. Я не циничен, просто, когда мне приходится работать, я всегда и во всем отстаиваю интересы моего клиента. Можно сказать, сродняюсь с ним. Лидия для меня никто. И она в свое время поступила с Бариновым подловато. Встретив ее сейчас, я почувствовал, я *провидел*, что так оно и было. За это я ее не то что осуждал. Просто оставался к ней и ее чувствам равнодушным.

Она вернулась, умытая и заново покрашенная. Глаза ее были красными.

– Выпейте виски с содовой, – предложил я ей.

Я успел заказать спиртное, и стакан, зазывно искрясь мельчайшими ледяными капельками, ждал на ее месте.

– Откуда вы знаете, что я люблю именно это?

– А я волшебник.

– Я за рулем.

– Ничего, сейчас ГАИ к двадцати граммам не придирается.

Она жадно отпила виски через соломинку.

Алкоголь в сочетании с газировкой действует практически мгновенно, и надо было начинать ее расспрашивать.

– Вы так расстроились, – сказал я ей сочувственно.

– Да, забыла уже, считай, человека, а тут вдруг он – как чертик из табакерки.

– Вы любили его?

Она пожала плечами. Взгляд ее был устремлен вдаль – в собственную молодость.

– А почему вы с ним расстались?

– Знаете, Алеша, случаются порой такие вещи, которые не можешь простить даже самому любимому человеку.

* * *

Все, что вы прочтете дальше, записано со слов Лидии Полозовой. Однако только словами я не ограничиваюсь. Не знаю, как это происходит, но, установив контакт с человеком, зачастую я могу слышать не только то, что слышат все обычные люди. Я могу определить, что человек НЕдоговаривает, НЕдорассказывает. Это не чтение мыслей. Однако загадочным для меня образом я могу настроиться на волну собеседника. На какое-то время оказаться в его шкуре. Вплоть до того, что ощущаю оттенки эмоций или воспоминаний об эмоциях. Работа это не простая, и я избегаю ею заниматься без крайней необходимости. Теперь мне показалось, что необходимость пришла.

Итак, рассказ Лидии Полозовой о происшествии, имевшем место быть 3 ноября 1980 года. Реконструкция Алексея Данилова.

Когда человек уезжал из стройотряда, обычно он брал аванс – сколько конкретно, каждый решал сам. Я, к примеру, всегда просила немного, рублей сто – все равно они разлета-

лись в каникулы и потом, ранней осенью. А выплату оставшейся суммы, заработанной в стройотряде, обычно производили довольно поздно, глубокой осенью. Не знаю, с чем это было связано. Наверно, начальники наши подсчитывали, хитрили, отрезали самим себе, как положено, кусок пожирнее. Понять, почему ты получил, условно, пятьсот рублей, а не больше или меньше, было совершенно невозможно – мне, во всяком случае. Никто и не пытался понять. Тем более что в дальнейшем стройотряде всем платили по-настоящему хорошо. К примеру, я, как сейчас помню, в восьмидесятом году получила, уезжая из Зурбагана, сто рублей аванса, а осенью еще восемьсот пятьдесят. В сумме выходила почти тысяча – за два с небольшим месяца. Огромные по тем временам деньги, потому что моя мать, училка в школе, зарабатывала в месяц рублей сто семьдесят, со всеми надбавками и премиями. А я, когда работать после вуза пошла, устроилась на стандартные для молодого специалиста сто двадцать. Но о деньгах так, к слову.

Итак, в тот день, перед ноябрьскими, была в стройотряде выдача. В советские времена созывали собрания по случаю и без случая, и по поводу окончательного расчета тоже не преминули его устроить. Называлось это: подведение итогов работы стройотряда «Зурбаган-80» в свете решений какого-то там пленума или съезда. Сначала выступал командир, потом председатель ревизионной комиссии. Во славу, мол, завершающего года десятой пятилетки сданы такие-то

объекты, столько-то залито кубов бетона, столько-то грунта вынуто, столько-то кирпичей уложено, столько-то рублей перечислено борющимся народам Афганистана и Никарагуа. Потом наступила кульминация, бойцы по очереди выходили к президиуму, расписывались и получали конвертики с деньгами, а кому-то еще выдавали вдобавок дипломы и памятные подарки в виде книг «Гвардейцы пятилетки» или барельефов Ильича – неликвид, мусор, что оставался на балансе стройотряда. Мне Ленина или почетной грамоты не досталось, однако сумма, которую я упомянула, с лихвой это искупала. Сидела я во время собрания не рядом со своими подружками с кухни (они мне и в отряде осточертели, я из-за них раньше из него смоталась), а подле Пита. Рядом с ним, с противоположной стороны, помещались парни из его бригады: Юрка и Сашка, игравшие в ансамбле, и два артиста, один Антон Марцевич, а второго я забыла. У него еще двое работали, только я не припомню, были ли они в тот день на собрании вообще. *(Второй артист – это Виталий Селиверстов, а двое совсем неназванных – мой клиент Кирилл Барinov и Семен Харченко. – Примечание А. Данилова.)*

Обычно день стройотрядной выдачи заканчивался мощной гулянкой. Часто даже специально под нее ресторан заказывали, но в тот раз, не знаю почему, традиция была нарушена. Возможно, руководители отряда в свете очередных указаний партии решили бороться с пьянством и алкоголизмом. В итоге с отмечанием в тот день устраивались каждый кто

как мог. В зурбаганском отряде основная масса была общежитские, потому и обмывать громадную зарплату большинство собиралось в общеае. Я эту публику не любила и хотела тихо-мирно уехать домой, посидеть с матерью за бутылкой крымского портвейна. Но с толку сбил все тот же Петька и приятель его Марцевич. У Марцевича (он был москвичом) появился, по их тогдашней терминологии, «чистый флэт», или свободная квартира – короче говоря, родители его куда-то отъехали в преддверии праздников. Вот они и решили туда двинуть – все вместе: Марцевич, музыканты Пильгуй и Кутайсов и второй артист. Ну, и Петя со мной, конечно. А потом хватились: больше девочек-то, кроме меня, нет! Да и я – Петькой занята! Тут уж бросились артисты к нашей кухонной бригаде, уговаривать. Общежитских девчонок долго убеждать не пришлось, чтобы на гулянку склонить, к тому же не в обрыдлой общеае, а на квартире у парня-москвича. Да и собрались ребята видные, известные. Короче, двух девчонок парни убедили – кажется, их звали Галя и Юлия, но их я плохо помню, потому что на встречи выпускников не хожу. Как фамилии их? А зачем вам? *(Дальше я перестал расспрашивать, потому что понял, что слегка переборщил со своим любопытством, и решил, что, если эти две бывшие девочки мне понадобятся, постараюсь сам отыскать их в соцсетях. Раз уж такая, в принципе, нелюдима, как Лидия, нашлась, может, и они где-то обнаружатся. – Примечание А. Данилова.)* В итоге поехали мы ввосьмером: трое девчо-

нок и пятеро парней. *(Интересно, что ни Харченко, ни моего клиента Барина они не пригласили. – Примечание А. Данилова.)*

Дальше все, как обычно бывало на студенческих вечеринках: купили лучших продуктов, коньяку и вин, какие могли достать – мы в тот вечер были не просто богатыми, а супербогачами. Мальчики схватили такси – как раз в две машины восемь человек поместилось – и махнули, если не ошибаюсь, на Варшавку, где почти на краю города, у самой окружной, проживал Марцевич. Мы соорудили простенькую закуску: гренки со шпротами, вареные яйца с чесноком и майонезом, порезали вареную колбасу (олимпийское изобилие закончилось вместе с Олимпиадой, оставались только фирменные сигареты, вроде «Мальборо» и «Кента», которые в тот вечер, как символ богатства и свободы, мы курили). А дальше, как обычно в молодости: выпивали, закусывали, хохмили, танцевали под проигрыватель, у Марцевича даже фирменные диски обнаружили. Потом смотрю: мой Петька – которого я тогда, может, даже по-своему любила – начал уделять все больше внимания моим кухонным девчонкам. С одной потанцует, другой ручку пожмет, в шейку поцелует. А те и рады стараться: льнут к нему, хохочут, льстят им его внимание, да и меня им приятно позлить, унижить. Ах ты, думаю, засранец, решила я и начала назло Петьке с парнями кокетничать. Возможно, вино ударило мне в голову, и я, наверно, слегка перестаралась, когда стала изображать из себя

женщину-вамп. *(Тут я остро почувствовал, что Лидия чего-то недоговаривает – возможно, преуменьшает степень близости по отношению к парням. – Примечание А. Данилова.)* В бутылочку мы начали играть...

А потом в какой-то «прекрасный» момент мой ухажер Петька зазвал меня в ванную и, не успела я слова сказать, как он засветил мне кулачищем под глаз! Я – в слезы! Реву, а он ушел в комнату и как ни в чем не бывало с другими развлекается. Стало мне ужасно противно и обидно – короче говоря, я потихонечку оделась и выбежала, а он вроде как и не заметил. Я еще полчаса внизу стояла, такси ловила, ночь была кромешная, холодная, никто ко мне из них не спустился, не остановил. Хотя, если честно, я Петьку ждала. Короче, приехала я домой в три часа ночи, вся в слезах и соплях, потом еще маме лапшу на уши вешала, что о косяк ударились, в конце концов мозги ей запудрила, а про себя решила: все! С Петькой – конец. Какая уж там любовь, с ним должно быть покончено решительно и бесповоротно. Он потом и домой по телефону названивал мне, пытался извиниться, и в институте несколько раз подходил, и с цветами приезжал – я ему не открыла, а когда встречала в вузе, убегала и, когда звонил, трубку бросала. Так и не простила. А вскоре замуж вышла.

Что вы говорите? Они все мертвы? Про Харченко я знаю, что погиб, но *все* – это кто? Парни? Все четверо? И Марцевич, и второй артист – Селиверстов? И Кутайсов, и Пильгуй?

А девчонки? Вы не знаете?

И она снова принялась плакать. И снова убежала в туалет. А под конец разговора я задал ей вопрос – мимоходом, совсем не обязательный, и понял, что методике опроса свидетелей мне еще надо учиться и учиться, не упускать подобных вещей. «Вы сказали, что вскорости вышли замуж? А за кого?» – словно бы праздно спросил я. И тогда она сказала:

– Как, вы не знали? За Харченко, он тоже был тогда в Зурбагане.

Кирилл Баринов

Я вышел на улицу после беседы с Даниловым. Практиковал юноша в самом что ни на есть центре – на Полянке. Я уселся в свою «Вольво» и послал эсэмэску о том, что моя парковка закончилась. После недавних дорожных реформ парковаться неподалеку от офиса экстрасенса стало просто – но накладно. Не говоря о конечном счете, который он, наверно, выставит мне. И я крепко задумался, а правильно ли поступил, что к Алексею обратился. Мы встречаемся и встречаемся, дни идут, а никаких результатов не видно. Уж не шарлатан ли он? По-прежнему пребывая в раздумьях, я отъехал от тротуара в сторону Садового, однако не прошло и минуты, как в зад моего джипа что-то ощутимо стукнуло. Я выругался про себя и глянул в зеркала заднего вида. Так и есть – на маленькой красненькой машине в задний бампер уперлась блондинка. Я выскочил из авто и подошел к ней. Девушка тоже вынырнула из-за руля и бросилась ко мне навстречу – была она небольшого роста, довольно хорошенькая и, на мой взгляд, совсем молоденькая: лет от двадцати трех до тридцати двух, а более точно я столь юный возраст не определяю. Не успел я начать свое уничижительное: «Что ж вы, девушка, куда вы смотрите...» – как она моляще прижала руки к груди и, не слушая меня, воскликнула:

– Пожалуйста, пожалуйста! Не надо вызывать ГАИ! Я вас

очень прошу – я заплачу любые деньги, но пожалуйста! У меня нет прав, и я теперь точно попаду в каталажку! Пожалуйста, я вас прошу, в кошельке с собой всего две тыщи, но дома деньги есть, я вам отдам, сколько скажете, только полицию не вызывайте!

– Если прав нет, дома надо сидеть! – сказал я ворчливо-назидательно.

– Простите, простите! Ехать очень надо было! Давайте, хотите прямо сейчас проедем ко мне домой, я тут недалеко живу, деньги у меня есть, я вам заплачу.

Несмотря на то что в правилах дорожного движения и в инструкциях страховых компаний записано, что нельзя уезжать с места дорожно-транспортного происшествия, но майский московский вечер был столь хорош, а девушка молила так искренне, что я сказал:

– Черт с тобой! Куда ехать-то? Но учти, если сбежишь, я на тебя в полицию заявлю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.